Цена отдельного номера в Москве 8 руб., в провинции и на ст. жел. дорог 10 руб.

Российская Коммунистическая Партия (больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# ПРАВДА

Орган Централън. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.)

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. Прием по делам редакции: ежедневно, кроме праздничных дней, с 2—3 дня и с 6—7 веч. Телефоны: Телефонограммы 5-73-35. Секретарь редакции 4-81-83. Ночной редакции 4-53-54.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, 33. [illegible]

Подписка на „Правду" принимается во всех почтово-телеграфных учреждениях Р. С. Ф. С. Р.

№ 157. — Воскресенье 16 июля 1922 г. — ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. — № 157.

**СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:**

ПОЛОЖЕНИЕ ГААГСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ КРИТИЧЕСКИМ.
БОРЬБА В ГЕРМАНИИ ОБОСТРЯЕТСЯ. УСТАНАВЛИВАЕТСЯ ЕДИНЫЙ ФРОНТ БУРЖУАЗИИ ПРОТИВ ОБ'ЕДИНЯЮЩЕГОСЯ ПРОЛЕТАРИАТА.
ГЕРМАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОСИТ ОБ ОТСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ ДО 1925 ГОДА.
32-Й ДЕНЬ ПРОЦЕССА ПРАВЫХ ЭСЕРОВ. ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСР.
ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО ТРИБУНАЛА ПРИСТУПИЛА ВЧЕРА К СЛУШАНИЮ ДЕЛА О ЯРОСЛАВСКОМ ВОССТАНИИ.
ГОДОВЩИНА ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ.

# ИЮЛЬСКИЕ ДНИ.

## 3/16—5/18 ИЮЛЯ 1917 Г. — 3/16—5/18 ИЮЛЯ 1922 Г.

**Сегодня—пятая годовщина грозных июльских дней,
когда впервые рабочий класс протянул свою руку к власти,
когда предатели социализма обагрили улицы рабочей кровью.
Мученикам рабочего дела, убитым казацко-эсеровско-меньшевистской чернью—вечная память!
Проклятье и презренье союзникам капитала!**

## Июльский прообраз.

Бывают исторические события, в которых—в свернутом виде, в зародышевой форме—заключена вся последующая картина развития. Такими событиями были великие дни июля 1917 года, когда впервые авангард русского пролетариата потянулся к власти. Бурный натиск рабочего класса; его партия, развернувшая в мятежных рабочих кварталах свое трепещущее знамя; мелкая буржуазия, мещанство и их партии—меньшевики и эсеры—со всей своей трусостью, предательством, буржуазными друзьями: крупный капитал и генералитет; грязная клевета против партии коммунистического переворота; аресты и расстрелы рабочих, убийства большевиков; казаки и духовенство во главе с Черновым; разоружение пролетариата руками «социалистов»; вооружение буржуазии,—разве все это не яркий прообраз того, что происходило потом повсюду, где эсерам и меньшевикам удавалось прорвать ряды большевистской диктатуры?

Июльские дни впервые с чрезвычайной наглядностью вскрыли значение социал-патриотических партий. Это значение чрезвычайно выпукло подчеркнуто не кем иным, как Павлом Николаевичем Милюковым, который целый период в развитии русской революции поставил под вывеску: «Социалисты защищают буржуазную революцию». От чего? От кого? От революции социалистической, от партии пролетариата, от пролетариата самого.

Так оно и было. Рабочий класс шел по неотвратимому историческому пути. Но как только он перешел за границы буржуазной революции, как только он осмелился выставить свой лозунг, лозунг власти Советов, как ошарашенные партии мещанского «социализма» окрестили его «охлосом», «сбродом» и «чернью», провозгласили его революцию «контр-революцией», об'явили его партию партией шпионов, облили его вождей зловонными помоями клеветы и спустили с цепи своих героев: Алексинского, юнкеров, казаков, попов и ту действительную чернь с Невского проспекта, которая состояла из сутенеров и кабатчиков, офицеров и лабазников, хлыщеватых студентов и агентов антантовской контр-разведки.

Но этот переход «социалистов» на сторону буржуазии, их мольба о помощи, мольба, обращенная к генералам—военным и штатским,—означала усиление реальной власти не «третьей силы», не «чистой демократии», а генералитета, кадетской партии, крупной буржуазии, контр-революции. Разоружение рабочих, которое не могла провести буржуазия, но которое было проведено Гоцами и Церетелли, означало и разгром той самой демократии, ради которой так старались герои патриотического «социализма». Вот почему июльские дни через Керенского родили Корнилова. И только беспримерный героизм рабочего класса, который отбил корниловщину и расшиб вдребезги буржуазную машину государства, сиял ее подленьких социалистических подручных—только этот героизм поставил крест над российской контр-революцией.

А там, где «июльские дни» упрочивались надолго? Там, где удавалось перебить большевиков? Там неизбежно возникали свои Корниловы и воцарялся настоящий кнут российского самодержавия. Так было у Колчака. Так было у Деникина. Так было у Врангеля.

Не только русский, но и весь международный пролетариат будет долго помнить июльские дни, когда рабочая партия получила свое боевое крещение в первых шагах социалистической революции, и когда социал-предатели впервые сбросили с себя маску, с оружием в руках стали против рабочего класса и раскрыли ворота в'езду диктатора-генерала.

## Пятилетие июльских дней.

Когда вечером, если не ошибаюсь, 4 июля, в маленькой погромной черносотенной газетке впервые появилось сообщение о «разоблачениях» большевиков и о том, что какими-то «документами» устанавливается связь Ленина и других с германским правительством,—никто из нас сначала не обратил на это никакого серьезного внимания. Мы были в те времена еще настолько наивны, что никто не предполагал, чтобы эсеры, меньшевики и даже кадеты были способны на такую подлость. Думалось, что это просто обычная утка, которая не доживет до следующего утра. Теперь-то мы уже знаем: предположи о намерениях с.-р. и меньшевиков самое худое, и тогда ты будешь ближе всего к истине. Но в те времена мы не были еще достаточно умудрены опытом. Оказалось, что подлая черносотенная газетка только на несколько часов раньше выболтала то, что готовились сделать эсеры и меньшевики.

Принято думать, что самое гнусное преступление, совершенное когда-либо партиями 2 и 2½ Интернационалов, это соучастие германских социал-демократов в злодейском убийстве Либкнехта и Люксембург. По-нашему, это не совсем так. Преступления, совершенные меньшевиками и эсерами в июльские дни 1917 года, гораздо гаже, чем даже роль Носке и К° в убийстве Либкнехта и Люксембург.

В самом деле, что сделали г.г. эсеры и меньшевики в эти июльские дни 1917 года? Чувствуя, что массы все больше и больше отворачиваются от них, сознавая свое полное бессилие в идейной борьбе и надвигающееся бессилие в борьбе вооруженной, эсеры и меньшевики сознательно и хладнокровно одобряют следующий план, выработанный махровыми контр-революционерами: по адресу вождей большевиков будет пущена клевета, что они являются шпионами правительства Вильгельма Кровавого; юристы, полуэсеры, полуменьшевики, в роде бывших министров Переверзева, Зарубина и К°, судебные «деятели» царской эпохи, в роде пресловутого «прокурора Александрова» и г-на Каринского, «юридически» докажут связь вождей большевиков с германским генеральным штабом; Алексинский и К° подтвердят эти документы; рабочие поверят гнусной клевете; возбужденные [illegible] солдаты [illegible] растерзают руководителей пролетарской партии или, в лучшем случае, отвернутся от них, как от шпионов [illegible] будет спасена «демократия».

В наши руки попадет теперь все документы по так называемому «делу 3—5 июля». Документы эти скоро будут опубликованы. [illegible] ознакомиться с «показаниями» [illegible] Алексинский, [illegible] Переверзев [illegible] Чернов, [illegible] Церетели, В. О. Богданов и другие. И только тогда [illegible]

воорости, на которую способны вожди меньшевиков и эсеров.

Мы живо вспоминаем «историческое» заседание меньшевистско-эсеровского ЦИК и Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в Таврическом дворце в день 4 или 5 июля. Пишущий эти строки наивно обращал внимание вождей «революционной демократии» на начинающуюся черносотенную травлю против большевиков. На это седовласый Чайковский—впоследствии открыто предавшийся англичанам,—поглаживая белую бороду, хладнокровно процедил сквозь зубы: «нет дыма без огня». А господа, в роде Дана, Либера, Гоца и К°, только злорадно ухмылялись.

Меньшевики и эсеры не остановились перед тем, чтобы об'явить германским шпионом... Ленина—человека, у которого многие из них десяток лет учились, человека, которому все эти Даны и Богдановы недостойны развязать шнурок на ботинке, человека, которого своим вождем считают передовые рабочие всего мира, человека, с именем которого будет связана целая эпоха в жизни человечества...

Помнится, один только Мартов, который тогда стоял в оппозиции к меньшевистскому ЦК, пролепетал что-то в роде того, что едва ли у Ленина могли быть какие-либо личные, корыстные интересы.

Меньшевистско-эсеровские вожди «революционной демократии» сознательно и хладнокровно выдали нас с головой царскому прокурору и раз'яренной, пьяной от ненависти к революции шайке белогвардейского офицерства, во главе с пресловутым ген. Половцевым, который в те дни являлся красой и гордостью меньшевистско-эсеровской революционной демократии, а в наши дни (1922 г.) принимал деятельнейшее участие в монархическом с'езде в Рейхенгале.

Когда ген. Половцев при помощи помещичьих сынков из числа юнкеров оказался не в силах разгромить начавшееся движение петроградских рабочих и кронштадтских матросов, меньшевики и эсеры, разумеется, поспешили на помощь Половцеву; Керенский поскакал на фронт, снял оттуда «надежные» войска и привез их в Питер.

Кто из участников тогдашних дней забудет следующие минуты у Таврического дворца: бурлит рабочая масса, требующая перехода власти к советам; весь Путиловский завод, все рабочие с женами и детьми, в количестве до 30 тыс. человек, залили бульвары и улицы, побежали к Таврическому дворцу, заявили, что они не уйдут, пока власть не перейдет к советам. В это время внутри Таврического дворца заседает эсеровско-меньшевистский ЦИК, который в течение двух дней, не выигрывая время, обсуждает «положение». В это время внезапно раздаются мощные звуки военного оркестра, исполняющего «Марсельезу». На трибуне Таврического дворца появляется меньшевистский поручик Мазуренко; Дан и Чхеидзе бросаются ему на шею, обнимают и целуют его. Оказывается, этот новоявленный «спаситель» революции Мазуренко является начальником только что прибывших в Петроград и снятых с фронта «надежных» отрядов, призванных усмирить петроградских рабочих.

Несколько удавшийся русский Кавеньяк, ген. Половцев, в те времена столп революционной демократии, в приказе от 4 июля 1917 года об'явил населению Петербурга:

«Действия войск в составе артиллерии, казаков и пехоты начались в полном подчинении распоряжения главнокомандующего, осуществлявших тельного прекращения беспорядка и ареста его участников, указанный правительством в полном согласии с исполнительными комитетами советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

В приказе от 6 июля соратник ген. Половцева меньшевистский поручик Мазуренко, командовавший сводным отрядом под названием «Отряд члена Центрального Исполнительного Комитета всероссийского с'езда рабочих и солдатских депутатов поручика Мазуренко», писал: «Мы, призванные спасать революцию, Россию от безответственных групп, которые вооруженной силой стараются навязать свою волю большинству революционной демократии... Мы будем действовать против тех, кто нарушает волю революционного народа, и будем выполнять распоряжения и приказы центральных органов революционной демократии и Временного Правительства». А 7 июля Временное Правительство «революционной демократии», в то время правительство, в которое входили Керенский, Церетели и К°, издало приказ, который гласил:

«Всех, участвовавших в организации и руководстве вооруженными выступлениями против государственной власти, установленной народом, а также всех, призывавших и подстрекавших к ним, арестовать и привлечь к судебной ответственности, как виновных в измене родине и предательстве революции».

Поручик Георгий Мазуренко, член меньшевистско-эсеровского центрального исполнительного комитета советов, назначен был командующим сводным отрядом «по соглашению с исполнительным комитетом (эсеровско-меньшевистским) советов».

Об'единенными усилиями черносотенных казаков, белогвардейских юнкеров, генерала Половцева, меньшевистского поручика Мазуренко, ЦК кадетской партии и вождей эсеровско-меньшевистской революционной демократии—Керенского, Церетелли, Гоца и К°, движение петроградских рабочих было разбито. А 7 июля в центральном органе меньшевиков—в «Рабочей Газете»—на самом видном месте уже красовалось следующее обращение «ко всем гражданам»:

«Граждане! 15 июля столица хоронит воинов, павших в смутные дни 3—5 июля. Слава храбрым, сложившим головы свои в борьбе за родину, защищая революцию. Вечная память бестрепетно исполнившим свой революционный долг до конца. Призываю верное революции, проникнутое ее духом население Петрограда принять возможно более широкое участие в скорбном торжестве».

Подпись: «Городской голова Г. Шрейдер».

Столп эсеровской партии Г. Шрейдер, к сожалению, не попал на скамью подсудимых; по независящим от него обстоятельствам, он не может теперь вместе с Гоцем, Лихачем, Тимофеевым и другими «вождями революционной демократии» отстаивать принципы «великой», «бескровной» февральской революции.

15 июля, действительно, совершились те похороны, о которых писал эсер Шрейдер. Фотография увековечила в назидание потомству эту знаменательную процессию. Пишущий эти строки не видал этой процессии собственными глазами, ибо революционная демократия заставила его, как и многих других большевиков, перейти на нелегальное положение и скрываться в те дни. Но пишущий эти строки видел превосходно исполненную фотографию этого шествия. Все архиереи в полном облачении гор. Петрограда шли во главе этой знаменательной демонстрации, с рясами, с иконами, порой перемешиваясь, шли Чернов, Гоц, Чхеидзе, Церетели и К°.

Подарок к тому, что [illegible] случилось так, что процесс над контр-революционными [illegible] совпал по времени с процессом над вождями эсеров. Ряды эсеров и попов перемешались, как видит читатель, и в дни величайших побед и одолений «революционной демократии».

А после похорон доблестных воинов, павших в борьбе с революционными рабочими, началось разоружение славных пулеметных полков, поднявших знамя восстания против эсеров и меньшевиков. На площади Зимнего дворца (ныне эта площадь в честь старого пролетарского борца Урицкого, убитого эсерами, переименована в площадь Урицкого) происходила публичная казнь над пулеметными полками. При свете ясного дня эти полки были выстроены на площади. Шайка белогвардейцев с ген. Половцевым и меньшевиком Мазуренко во главе обходила эти полки, публично разоружая их, вырывая оружие из рук революционных солдат; а кругом стояла буржуазная знать, разряженные дамы и цвет эсеровско-меньшевистской «революционной демократии», упиваясь «победой».

Да, это все было совсем недавно, всего пять лет тому назад. Поистине можно сказать: как мало прожито, как много пережито.

Когда теперь эсеры и меньшевики, поддерживаемые кликушами обоего пола из рядов 2, 2½ Интернационалов, вопят о репрессиях наших против бедненьких и невинных эсеров и меньшевиков, своевременно будет напомнить им об этих событиях в июльские дни 1917 года.

Даже если бы эсеры и меньшевики не совершили больше ни одного преступления, кроме того, которым они запачкали себя в июльские дни 1917 года, и то они были бы покрыты позором на вечные времена и заслуживали бы со стороны победившего, революционного пролетариата самой суровой кары. Но увы, всем известно, что преступления эсеров и меньшевиков в июльские дни 1917 года не были ни первыми, ни последними из преступлений этих партий против пролетариата.

Свои поражения, свое нынешнее ничтожество, свою слабость эсеры и меньшевики об'ясняют тем, что мы применяем к ним репрессии. Да, Советская власть, действительно, применяет и будет применять репрессии по отношению к врагам пролетарской революции. Но эти репрессии попали в цель только потому, что всей своей политикой эсеры и меньшевики и без того были обречены на банкротство. Догорающие головни легко затоптать сапогом, ибо они и без того потухают. А вот разгорающийся костер народной борьбы, пролетарской борьбы, не так легко было эсерам и меньшевикам потушить, хотя они прибегали даже к таким средствам, как те, что описаны выше.

В июльские дни начинало разгораться могучее пламя пролетарской революции. И как ни дули на это пламя вожди «революционной демократии», как ни плевали в него ядовитой слюной Гоцы, Черновы, Церетелли и Керенские,—это пламя разгоралось, и в его всеочистительном огне сгорела власть помещиков и буржуазии, которых так беззаветно и—увы! так безуспешно защищала эсеровско-меньшевистская «революционная демократия».

**Г. ЗИНОВЬЕВ.**

## Гражданин Чернов в июльские дни.

Об'емистое «дело» о восстании 3—5 июля 1917 года в одном из своих бесчисленных томов хранит, между прочим, и показание лидера эсеровской партии. «Чернов, Виктор Михайлович, министр земледелия, православный, под судом не был, Троцкому посторонний», рассказывал следователю, поинтересовавшемуся «вероисповеданием» министра земледелия, но совсем не интересовавшемуся его партийной принадлежностью (доброе старое время!), что он, Чернов, делал или, точнее, что с ним делалось в эти достопамятные дни. Когда именно, он точно не помнил. «Возможно, что все это происходило не пятого, а четвертого июля», заканчивает свое показание Чернов. А давал он это показание 19 августа, всего через шесть недель после событий.

Внимательно перечитав все показание, вы начинаете понимать эту забывчивость православного министра земледелия. Мы хорошо помним те исторические моменты, где мы сами являлись действующими лицами; так их обыкновенно и вспоминаешь: в такой-то день, в таком-то часу я то-то сделал, потом вот это, канва и ткется понемногу. Мы недаром сказали, что Чернов рассказывал о том, что с ним делалось: на всем протяжении показания его роль чисто-пассивная. Его вытащили из Таврического дворца, обступили, засыпали вопросами, посадили в автомобиль, хотели куда-то увезти; в это время вмешалось «начало действующее», в виде Троцкого, и Чернова опять отпустили во дворец.

Можно себе представить, чтобы с лидером правящей партии, скажем, с Лениным, после октябрьских дней уличная толпа обращалась как с предметом неодушевленным, таскала его туда, таскала сюда, до тех пор, пока не появился на сцену один из лидеров партии оппозиционной и не вывел его из этого унизительного положения? А вот с лидером эсеровской партии в дни ее торжества такие анекдоты бывали, и, судя по тону рассказа Чернова, он даже не чувствует здесь какой-либо неестественности. Да, таскали и чуть совсем не затащили, и у него хватает духу только [illegible], что то были «темные личности». А где же были «светлые личности» в это время?

Расскажем, однако, конец этого эпизода словами самого, нельзя сказать: «действующего», но все же центрального лица:

«В это время к автомобилю подошел появившийся из Таврического дворца Троцкий, который, встав на передок автомобиля, в коем я находился, произнес небольшую речь. В этой речи он сперва обратился к матросам, спрашивая их, знают ли они его, видали ли, вспоминают ли? Затем указал, что кто-то хочет арестовать одного министра-социалиста, что это какое-то недоразумение, что кронштадтцы были всегда гордостью и славой революции, что они не могут потому хотеть никаких насилий над отдельными личностями, что отдельные личности ничего не могут значить, что здесь, вероятно, никто не имеет против того, чтобы министр-социалист возвратился в зал заседаний, а что матросы останутся мирно обсуждать жизненные вопросы революции. После этой краткой речи он обратился к толпе с вопросом: «Не правда ли, я не ошибаюсь, здесь нет никого, кто был бы за насилие? Кто за насилие, поднимите руки».

Ни одна рука не поднялась; тогда группа, приведшая меня к автомобилю, с недовольным видом расступилась; Троцкий, как мне кажется, сказал, что «вам, гражданин Чернов, никто не препятствует свободно вернуться назад», что это было недоразумение. Все находившиеся в автомобиле могли свободно выйти из него, после чего мы и вернулись во дворец» *).

В этой сценке вся философия истории июльских дней. Для следователя, с его криминалогической точки зрения, важнее всего было установить, что толпа Троцкого «знала» и «помнила». Значит, «профессиональный демагог», постоянный оратор перед «бунтовщиками». Но поскольку всем следователям правительства Керенского ничего не удалось из этого «следственного материала» сделать, кроме обширных размеров кляксы, криминалогическую точку зрения мы можем оставить в покое. Тут есть политическая сторона, и она гораздо интереснее.

Кто командовал массами уже в июле? Кого массы слушались? Совершенно очевидно, что это не была та партия, во главе которой стоял Чернов; это было то течение, которое возглавлялось Лениным и Троцким. Будущие коммунисты уже за четыре месяца до октября имели единую движущую силу событий, революционный народ, за собою, а за социалистами-«революционерами» была лишь не успевшая еще стать революционной часть народной массы. В первую голову то была наименее сознательная часть солдат, сидевшая по казармам и оттуда тупо взиравшая на происходящее. К этой части принадлежал, например, Преображенский полк, весьма ярко демонстрировавший малую сознательность своей солдатской массы еще в марте 1918 года.

Чтобы всколыхнуть эту подлинно «серую» толпу, не годились никакие революционные лозунги, как бы просты и примитивны они ни были. Тут нужно было другое, шкурное и темное, как мозги этой массы. В серых фронтовых рядах не было словечка общепонятнее, чем «измена». Оно звучало всегда в минуты дикой паники, под Смоленском в 1812 году, как на реке Черной в 1855 году и перед Плевной в 1877 г. До какой низины демагогии, до какого подлинного «охлоса» надо было спуститься, чтобы не побрезговать этим лозунгом! Но для эсеров уже летом 1917 года другого выхода не было. Если сознательные рабочие и сознательные матросы умели только задавать «щекотливые» вопросы и даже не мешали тем, кто тащил «социалистов» за шиворот (помешал Троцкий), оставалось бить на несознательность.

Так не случайно, а глубоко логично, вполне «закономерно», можно сказать, правительство Керенского пришло к необходимости выкупаться в поганом ведре ермоленковских сплетен. Принятое им своеобразное крещение его спасло: «о впечатлении, произведенном этими документами (показаниями Ермоленки и К°. **М. П.**), можно судить по тому, что когда они были прочтены делегатам Преображенского полка, то преображенцы заявили, что теперь они немедленно выйдут на подавление мятежа. Действительно, они пришли первыми из гвардейских частей на Дворцовую площадь, за ними подошли семеновцы и измайловцы *).

Керенский первый этим не побрезговал, и когда Корнилов потом пустил струю из того же источника в самого Керенского, «белый генерал» был лишь подражателем.

Партия, поставившая Керенского у власти, была, таким образом, политическим банкротом уже летом 1917 года. И это банкротство выразилось не только в том, что она должна была попустительствовать Ермоленке («Воля Народа» приняла даже посильное участие в опубликовании «документов» *). Оно еще ярче выразилось в полном бессилии этой партии, стоя у власти, осуществить свою политическую программу.

«Темные личности» не только пробовали взять Чернова за шиворот, но и задавали ему неудобные вопросы:

«После этого взял слово человек, назвавший себя членом петроградского комитета Р. С.-Д. Р. П., который заявил, что прежде чем я уйду, я должен буду ответить на некоторые вопросы, которые мне будут поставлены. Из поставленных им мне вопросов, главных было два, а именно, почему я до сего времени не издал закона о земельных сделках и почему, несмотря на пожелания Совета Кр. Депутатов и Главного Земельного Комитета, правительство до сего времени не издало декларации о передаче земли народу?».

Что было на это отвечать лидеру обанкротившейся партии? Что отвечают всегда банкроты своим кредиторам: денег случайно при себе нет, жена деньги в деревню увезла, подождите, сейчас пойду, займу у приятеля...

«Я ответил на это, что эти законы разрабатываются, вносятся на рассмотрение Временного Правительства, что прохождению их помешал кризис власти (!), что с своей стороны я Совету Кр. Депутатов докладывал о ходе законодательства по земельному вопросу, что мои действия находились в полном согласии и с желаниями Советов Кр. Депутатов и что в частности сейчас я должен пойти на заседание Советов продолжать участие в его работах».

Заметьте: все «советы», «советы». Об учредительном собрании тут, перед революционной толпой, ни гу-гу. И это опять не случайность. Здесь мы переходим к самому, быть может, любопытному моменту всего показания:

«5 июля с. г. днем», начинает свое показание Ч., «я был на заседании Центрального Комитета Совета Р. и С. Д. и Исполн. Комитета Всерос. Совета Кр. Депутатов. Во время этого заседания было сообщено, что к Таврическому дворцу, где происходило это заседание, подошли вооруженные демонстранты, которые пытаются проникнуть в Таврический дворец, для пред'явления требований о том, чтобы советы приняли власть в свои руки. Узнав об этом, на заседании было решено никакой военной помощи для охраны собрания не требовать, чтобы посмотреть, найдутся ли среди демонстрантов, причисляющих себя к организованной демократии, элементы, которые осмелятся силой давить на свободное решение уполномоченных органов всероссийской организованной рабочей демократии. Вместе с тем, было решено, что заседание продолжается вне всякого соображения с тем, что происходит за воротами Таврического дворца. В течение этого времени неоднократно являлись делегации от бывших у дворца вооруженных частей все с теми же повторными требованиями, чтобы Совет как можно скорее разрешил вопрос о власти. Делегации выслушивались, и затем им заявлялось, что заседание будет продолжаться, что вопрос о кризисе власти будет разрешаться и будет разрешен в том смысле, какой найдет нужным собрание».

Это звучит гордо. Но позволительно тут задать несколько вопросов. Значит, в июле месяце 1917 года Советы были «уполномоченным органом всероссийской рабочей демократии», призванным решать «вопрос о кризисе власти?».

Ну, а в октябре того же года, когда эти советы решили «вопрос о кризисе власти» в пользу большевиков, они уже потеряли эти «полномочия»? Или еще сохранили их? Тогда почему же Чернов и его партия им не подчинились? Потому что нужно было дождаться учредительного собрания? Но почему об этом учредительном собрании ничего не говорилось в июле? Или все дело в том, что большинство ВЦИК в июле было эсеровско-меньшевистское, а с октября большевистское? Но тогда является новый вопрос: ну, а если бы большинство в учредительном собрании было не эсеровское, оно оставалось бы для эсеров «полномочным органом»? Или и с большевистским учредительным собранием они вели бы такую же борьбу, какую они вели с советами? И если теперь политические единомышленники Чернова «не признают» верховного трибунала, назначенного «уполномоченным органом всероссийской рабочей демократии», то какая гарантия, что они признавали бы суды, назначенные учредительным собранием?

Как видим, показание Чернова очень «современный» документ, хотя от роду ему пять лет без одного месяца.

**М. ПОКРОВСКИЙ.**

*) «Предварительное следствие о вооруженном выступлении 3—5 июля 1917 года», т. X, стр. 59—60.

*) Милюков. «История второй русской революции». I, в. I, стр. 246.

*) См. № от 15 июля, [illegible] «Дела» [illegible] IV, стр. 38.

## Правительство „порядка" партия версальцев.

> О, братья! Проклят, проклят будет,
> Кто этот страшный день забудет,
> Кто эту кровь врагу простит!
>
> Демьян Бедный.

**«РЕВОЛЮЦИОННУЮ ДЕМОКРАТИЮ ЗАЩИЩАЕТ... ПОЛУРОТА.**

В ночь с 3-го на 4-ое июля представители фабрик и заводов говорили на заседании ЦИК'а:

— Мы доверяем совету, но не тем, кому доверяет совет. Наши товарищи, министры-социалисты, пошли на соглашение с капиталистами. Но эти капиталисты наши кровные враги.

— Мы не разойдемся, пока 10 министров-капиталистов не будут арестованы и Совет не возьмет власть в свои руки.

В этих немногих словах выражена вся программа «восстания». Самое характерное заключается в том, что вооруженные массы, фактически владевшие Петроградом, сами не брали на себя решения вопроса о власти. Они «доверяли совету», т.-е. в тот момент эсерам и меньшевикам. Они требовали только разрыва с «нашими кровными врагами».

В этом смысле июльское выступление не было восстанием. Это была именно демонстрация. Если бы рабочие и солдаты хотели свергнуть временное правительство, они сделали бы это в два счета. Ибо вся военная сила была в их руках.

Вот что говорил 6-го июля на гарнизонном собрании один из главных усмирителей, меньшевик Войтинский:

«В первый день демонстрации в нашем распоряжении было только 100 человек—больше сил у нас не было. Мы разослали комиссаров по всем полкам с просьбой дать нам солдат для несения караула... Но каждый полк озирался на другой—как тот поступит. Нужно было во что бы то ни стало прекратить это безобразие, и мы вызвали с фронта войска... Вот теперь по Миллионной улице проходят войска и броневики по направлению к Дворцовой площади, чтобы стать в распоряжение ген. Половцева. Вот это и есть наша реальная сила, на которую мы опираемся».

100 человек «защищали» в революционном Петрограде власть «революционной демократии», власть эсеров, кадетов, меньшевиков. «Защищать» было не трудно, ибо никто ее свергать не собирался. Массы, ведь, верили еще в политическую порядочность «вождей» революции!

**БРОНЕВЫЕ МАШИНЫ. КАЗАКИ. «ФРОНТОВЫЕ ЧАСТИ».**

«Выходить на улицы с требованием: «Вся власть советам!»,—есть ли это поддержка советов? Если бы советы пожелали, власть могла бы перейти к ним. Препятствий ни с какой стороны волеизъявлению советов нет... Такие выступления идут не по пути революции, а по пути контрреволюции».

Так вещал Церетелли на заседании ЦИК'а в ночь с 3-го на 4-е июля. Он не об'яснил, почему требование о переходе власти к эсерам и меньшевикам без капиталистов означало контрреволюцию.

Дополняя Церетелли, Дан говорил:

«На улицах революционный народ, но этот народ совершает контрреволюционное дело».

Раз революционный народ совершает такие ужасные вещи, его нужно «образумить», наставить на путь истины, обезвредить,—говоря точнее, его нужно усмирить.

Но как это сделать, если весь «революционный народ» занимается контрреволюцией, если на страже революции осталось всего на всего 100 человек? На этот вопрос в заседании ЦИК 4-го июля ответил Войтинский. Он говорил:

«Весь день 3-го июля ушел у нас на то, чтобы стянуть войска, чтобы укрепить Таврический Дворец... У нас была задача стянуть хоть несколько рот... Одно время у нас совершенно не было сил. У входных дверей Таврического дворца стояли шесть человек, которые не в силах были сдержать толпу. Первая часть, пришедшая к нам на помощь—это броневые машины. Мы вызвали их не демонстрировать броневики, а как боевую силу. Вечером мы дали приказ некоторым фронтовым частям грузиться и направляться сюда».

Товарищи, прочтите еще раз внимательно речь меньшевика Войтинского. Этот негодяй и по сие время—виднейший член партии меньшевиков, одновременно деятельный сотрудник эсеровских газет...

Броневые машины были вызваны, как «боевая сила». За броневиками последовали офицеры, юнкера, казаки, «фронтовые части».

А в Смольном в это время 200 делегатов фабрик и заводов ждали, пока ЦИК решал вопрос о власти. Многие делегаты были уверены, что эсеры и меньшевики подчинятся ясно выраженной воле рабочих и солдат и возьмут власть в свои руки, разорвав союз с капиталистами.

ЦИК ответил тем, что создал комиссию усмирения.

**«КОМИССИЯ УСМИРЕНИЯ» И «КОМИССИЯ ГНУСНОСТИ».**

Комиссия усмирения [illegible]

ров и одного меньшевика. Вот состав комиссии: Гоц, Авксентьев, Лебедев (эсеры), Скобелев (меньшевик). Комиссия была образована «для совместных действий с ген. Половцевым»—главноусмирителем [illegible] ских солдат и рабочих.

Комиссия усмирения в лице Гоца и др. ответственна целиком за тот белый террор, который был установлен после 3—5 июля.

На ряду с комиссией усмирения существовала еще «комиссия по расследованию обвинений, выдвинутых некоторыми органами печати против некоторых большевиков». Иными словами, комиссия должна была расследовать обвинение в получении большевиками денег от германского штаба. Точное название для этой комиссии: «Комиссия гнусности». Членами «комиссии гнусности» являлись [illegible] Гоц и Гендельман, меньшевики Дан, Либер и Крохмаль.

**КОНТРРАЗВЕДКА. ШТАБ ОКРУГА. ЮСТИЦИЯ.**

Контрразведка при содействии Алексинского и ряда [illegible] и жандармов [illegible] сказку о «немецких деньгах». «Демократическая» юстиция [illegible] вает и распространяет эту [illegible] рниую легенду». Меньшевики и эсеры создают комиссию, выносят резолюцию о необходимости суда над большевиками по обвинению их в организации [illegible] и получении немецких денег.

Наверху—комиссии усмирения и гнусности. На «низах»—контр-разведка [illegible] большевиков, штаб округа [illegible] ников. Партия рабочего [illegible] революционной [illegible] на растерзание.

«Аресты производились по [illegible] контр-разведки, без санкции прокурора».

«В штабе военного округа... [illegible] роль в арестах играли те чины, которые затем были устранены от своих должностей».

Так сообщали «Известия Петроградского Совета» в середине июля. Нас хотели уничтожить, и потому напустили на нас офицерскую, юнкерскую, [illegible] сволочь.

**«ГЛУБОКИЙ ПРОРЫВ НА ФРОНТЕ ЛЕНИНА».**

Улицей овладела буржуазия. Рабочие и солдаты были побеждены. Нужно было их еще обезоружить, обессилить, обезвредить. Юнкера, казаки, [illegible] [illegible] на фабриках и заводах, в революционных казармах. Началось разоружение «мятежных» полков, обезоружение рабочих. Главный удар направлялся против красной гвардии.

Церетелли еще 9-го июля выдвинул вопрос о разоружении рабочих. Чернов на страницах «Дела Народа» вел систематический поход против красной гвардии.

После 3—5 июля, под охраной броневых машин, «фронтовых частей», офицеров, юнкеров, казаков—под охраной белой буржуазной гвардии эсеры и меньшевики осуществляли мечту врагов революции: вырвали винтовку из рук рабочего.

Первый раз русский рабочий вооружился для защиты своих классовых интересов. Первый раз он получил возможность разогнуть спину и смело взглянуть в глаза своим вековым поработителям. Но пришли эсеры и меньшевики, снова отобрали у него винтовку, снова сделали его бессильным, снова бросили его под ноги вооруженной до зубов буржуазии.

Радость буржуазии по поводу расправы над рабочим классом выразил князь Львов—министр - председатель «революционного» правительства. Он говорил:

«Наш глубокий прорыв на фронте Ленина имеет, по-моему глубокому убеждению, несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на юго-западном фронте».

«Прорыв» был создан рукою эсеров и меньшевиков. В угоду буржуазии они поставили рабочий класс и его партию в условия разнузданного белого террора. Простить такое преступление трудящиеся массы не могли. Забыть о нем было невозможно. Октябрь явился реваншем за июль.

Диктатура. Репрессии. Скорая казнь. Все было «законно» против полу-легальной, обескровленной партии пролетариата. Но когда эта партия, несмотря ни на что, пришла к власти, когда она, окруженная со всех сторон врагами, установила режим диктатуры и стала применять репрессии, ее враги подняли на весь мир безумный вой.

Вой этот расчитан на [illegible] буржуазии и ее духовных пленников. Для буржуа «законно» и «культурно», когда бьют пролетария, но «незаконно» и «дико», если бьет пролетарий своей грубой рукой.

Российская революция [illegible] свой закон. Он гласит [illegible]

[illegible]

# ВОСПОМИНАНИЯ.

## Июльские дни.

Июльские дни в моем сознании тесно связаны с двумя эпизодами—10 и 18 июня. Если вообще все события между февралем и октябрем кажутся сейчас непрерывной цепью, то эти два эпизода у меня как-то неотделимы от их завершения—дней 3—5 июля. Несомненно, что и в ходе событий дни 10 и 18 июня тесно связаны с июльскими днями.

10 июня не ознаменовалось никаким движением масс. Или, вернее, почти не ознаменовалось. А дело было так. В это время происходил первый с'езд советов. На с'езде, по обычаю того времени, шли долгие, страстные и бесплодные прения. Большевиков на с'езде было немного, провинциальная Россия и армия послали туда, главным образом, новоиспеченных («мартовских») эсеров и меньшевиков. Однако, весьма многие из провинциальных делегатов, а в особенности солдаты, «примыкая» к меньшевикам или эсерам (уж больно девиз хорош: «Земля и Воля»), настроены были весьма по-большевистски. «Вождям» социал - соглашательства требовалось много красноречия, чтобы «обратать» таких делегатов, запугать их слухами о германских шпионах и пр., и пр. Но питерскому пролетариату и большей части питерского гарнизона давно уже наскучила болтовня «революционной демократии». Солдатские, а в особенности рабочие массы Питера требовали не разговоров, не деклараций, а действий, решений. Соглашатели упорно не понимали этого.

Наша партия, всегда склонная не ограничиваться только словами, решила взять на себя инициативу, показать с'ездовским соглашателям, а еще больше провинциальным и армейским делегатам, истинные настроения и желания подлинно революционной демократии Питера.

С этой целью решено было призвать массы к демонстрации 10 июня с популярными на питерских фабриках, заводах и в казармах лозунгами: «Вся власть Советам!», «Долой министров-капиталистов!», «Мир хижинам—война дворцам!» и т. д.

Решение о демонстрации шло, можно, не греша против истины, сказать, непосредственно с низов. Насколько помню, совещание представителей районов об этой демонстрации было вечером 9 июня. Большая комната во дворце Кшесинской была набита людьми так, что я, несмотря на высокий рост, никак не мог видеть председательствовавшего Ильича. Собрание единодушно высказалось за демонстрацию. Быстро решили, что на демонстрацию надо итти без оружия, и поздно вечером разошлись.

Рано утром 10 июня бегу к себе в райком на Пороховые. В казармах одного из батальонов 1-го запасного полка шумит братва; наскоро сделанные знамена-плакаты пестрят нашими лозунгами. В райкоме, однако, у ребят вид смущенный.

— В чем дело?

— «Правды» до сих пор нет. Есть слухи, что демонстрацию не то запретили, не то отменили.

— В П. К. (петербургский комитет) звонили?

— Нет!

Бегу к телефону, с трудом дозваниваюсь до П. К., откуда Глеб Иванович (Бокий, секретарь П. К.) сообщил, что Ц. К. демонстрацию отменил. Как, что, почему? Но Глебу Ивановичу некогда раз'яснять,—надо сообщить другим районам.

Через часа полтора обстановка выяснилась. Соглашатели испугались, устроили скандал, изобрели «заговор», и Ц. К. уступил на этот раз.

На другой день, 11 июня, в воскресенье, экстренно собрался наш районный совет. Нужно сказать, что на Пороховых было засилье эсеров и их спутников жизни меньшевиков. Об'ясняется это тем, что на пороховые заводы с войной поступило много военнообязанных крестьян и другой братии, патриотической, но весьма мелко-буржуазной и шкурной. В совете у нас сидели всякие чиновники с завода, с марта месяца сделавшиеся «ужасными» ос-социалистами-рр-революционерами. Нас, большевиков, было там человек 15, но на каждом заседании мы наговаривали много неприятных слов «революционной демократии».

На этот раз господа эсеры решили нас изничтожить и устроили открытое заседание в местном театре, пустив на галерку рабочих. Результат получился для них неожиданный: галерка шумно хлопала речам большевиков и освистала щупленького меньшевичка, представителя с'езда.

Так было в отсталом Пороховском районе. Не приходится говорить, что встречали с'ездовские заправилы в красных районах, в роде Выборгского или Василеостровского.

• •

Как известно, через неделю, 18 июня, эсеро-меньшевистские вожди с'езда назначили «легальную» демонстрацию для «выявления воли революционной демократии». Демонстрация оказалась грандиозной не только по огромному количеству участвовавших в ней рабочих и солдат, но и по выяснению влияния нашей партии в питерских массах.

Нужно отметить одну особенность этой демонстрации. В отличие от предыдущих больших демонстраций (не считая апрельской), похоронной и первомайской, эта демонстрация была подчеркнуто-классовая. Участвовали рабочие и солдаты. Всякого рода чиновники, лавочники и другая городская мелкая буржуазия лицезрела демонстрацию с тротуаров. Лицезрела и поражалась волнами красных плакатов: «Вся власть советам!», «Долой министров-капиталистов!», «Хлеба, мира, свободы!».

Лозунг поддержки временного правительства оказался всего-на-всего на трех плакатах, потерпевших одинаково горькую судьбу: у группы «Единство» этот лозунг изорвала толпа солдат, другая группа, кажется, банковских чиновников, добровольно свернула свое «знамя», а третий плакат,—увы!—не нашел для своей поддержки рук человеческих и был подвешен к телефонным столбам на Садовой улице. Матросы залезли, однако, на столбы и сорвали это знамя.

Воля рабочего и солдатского Питера была высказана достаточно ясно. В рабочих кварталах, в казармах после демонстрации 18 июня многие простодушно ожидали, что через пару-другую дней с коалицией, с политикой сдачи позиций буржуазии будет покончено, власть перейдет в руки единой революционной демократии, которая даст мир и удовлетворит насущные требования масс.

Вместо этого эсеры и меньшевики продолжали свою работу во славу единства с буржуазией и принялись изо дня в день печатно и устно твердить о том, что Петроград—не вся Россия, что Петроград слишком ушел вперед, что Россия не желает власти советов, что армия против Питера и т. д., и т. п.

• •

В такой-то весьма накаленной атмосфере собиралась 1 июля общегородская конференция нашей партии. Доклад по текущему моменту на конференции предполагалось сделает Ильич. Он был занят и на конференции не появлялся. Конференция занялась другими делами, и «текущий момент» отложили. Оказалось, что «текущий момент» сам пришел на конференцию, без рекомендации и без докладчика.

Явился он 3 июля в лице товарища из 1 пулеметного полка, потребовавшего слова для внеочередного заявления. Заявление было кратко и внушительно. Пулеметчикам надоела канитель коалиции с буржуазией, полк решил выступить к Таврическому дворцу и потребовать перехода власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Пулеметчики послали делегатов в другие полки, в рабочие районы и уже получили извещение, что Нарвский район, а это значит Путиловский завод, присоединился и выступает также за власть советов.

Здесь нужно сказать пару слов о пулеметном полке. Полк насчитывал, если память не изменяет, что-то около 30 тысяч солдат при нескольких сотнях, если не тысячах, пулеметов. Сила грозная!

Полк принимал очень активное участие в февральской революции, сам себе присвоил название «народного» полка, был сплошь большевистским и находился в постоянной вражде с властью временного правительства. Лидерами полка были тов. Жилин, погибший впоследствии в Брянске во время восстания, и прапорщик-большевик Н. Семашко, так-сказать, нелегальный командир полка (избранный солдатами, но не утвержденный начальством).

Конференция от такого внеочередного заявления всполошилась. Полк, в котором большевики были хозяевами положения, выступал самочинно, без директив. Коротко обсудив вопрос, конференция постановила: немедленно раз'ехаться по районам и задержать стихийное движение. Ст. Косснор, я и еще несколько товарищей остались для связи. Вести из районов приходили, однако, не мирного свойства. Популярные лозунги популярных пулеметчиков были гораздо приятнее, чем речи о необходимости выжидать, выступать только организованно. Вечером конференция собралась снова, и стало ясно: присоединится ли партия или нет, движение уже вылилось на улицу и только силой слов массы обратно на заводы и в казармы не вернешь. Оставить массы без руководства партия революции, разумеется, не могла. Партия взяла на себя руководство. Лозунги те же, что и 18 июня. Момент для осуществления власти Советов был весьма подходящий: разразился очередной кризис коалиции—из министерства ушли министры-кадеты.

• • •

4 июля город представлял необычное зрелище. По улицам снова катились людские волны, но уже не спокойно, уверенно и деловито, как 18 июня между шпалер зрителей, а нервно и неровно. Зрителя осталось меньше, да и житель был настроен тоже нервно. Опять-таки в отличие от демонстрации 18 июня большинство демонстрантов было вооружено. И не только солдаты, но и рабочие. С Путиловского завода пришел целый отряд вооруженной рабочей милиции. У многих рабочих в руках наганы, браунинги. Снуют по городу вооруженные автомобили, грузовики с пулеметами на бортах.

Сидеть у Кшесинской и смотреть на эти людские потоки, нередко заворачивавшие специально к большевистской штаб-квартире, чтобы продемонстрировать свою солидарность, не было никакой возможности. Я отправился к пулеметчикам на Выборгскую сторону. Пулеметчики сегодня снова тянулись на демонстрацию, вооружая грузовики пулеметами. Я залез на один из таких грузовиков с шестью «машинками» по бортам, и мы, обгоняя пеших демонстрантов, помчались к Кшесинской. На улицах полным-полно весьма шумными демонстрантами.

Наш район, Пороховский, обывательски настроенный, почти не принимал участия в демонстрации. Далекий от центра города, он не был стихийно затянут в движение. Кто-то из пороховских товарищей предложил с'ездить туда рассказать.

Сказано—сделано. П. К. отрядил т. Стукова, и мы помчались на Пороховые.

На Выборгской стороне, на Охте наш проезд вызывал шумные приветствия. На Пороховых нас встретили хмуро. Сочувствующие рабочие ушли демонстрировать, а местный совет распорядился заарестовать нескольких товарищей из районного комитета большевиков. Пулеметчики, услыхав об этом, не на шутку озлились; грузовик помчался к помещению районной милиции, но еще быстрее туда домчалась весть о нем, и мы застали наших товарищей только-что выпущенными, а начальник милиции (не то эсер, не то меньшевик, не помню уж) стал распинаться перед пулеметчиками в симпатиях «к товарищам-большевикам». Около милиции собралась огромная толпа рабочих, выслушавшая с большим сочувствием речь т. Стукова. Местные эсерики немедленно язвительно запросили:

— А зачем вы вооружены?

— Для охраны демонстрации,—коротко ответили пулеметчики.

— От кого?

— От черносотенной сволочи, которую временное правительство не хочет обуздать!

— Так вы против временного правительства?

— Да, ведь, его нет. Оно развалилось. Кадеты ушли. Как-раз в самый раз взять власть в руки советов!

Митинг на заводе устроить не удалось. Какие-то «спецы» заявили, что если прекратить работу, то завод взорвет. Верно ли, нет ли, но из соглашательского окраинного болота мы опять умчались в красный центр.

Не доезжая Литейного моста, мы были остановлены возбужденной толпой рабочих.

— Товарищи, там, за мостом, казаки избивают наших! Надо их выручить!

Помчались на выручку. Оказывается, попытка казаков к разгону демонстрации была, но ее ликвидировали не то финляндцы, не то московцы. На «поле сражения», кажется, осталась казацкая лошадь. Нам в «бой» вступать не пришлось.

Двинулись дальше по Литейному. Литейный кишит демонстрантами. Вдруг откуда-то сверху несколько выстрелов.

— В чем дело?

— Стреляют по демонстрации!

В момент ленты оказались вдетыми в пулеметы. Еще мгновение, и свинцовые струи были бы направлены в окружающие дома. С трудом удалось остановить раз'яренных пулеметчиков и убедить не стрелять зря, а попробовать сначала найти, откуда обстреливали. При помощи демонстрантов выяснили дом, из которого стреляли, группа солдат бросилась в парадное, и через десять минут вернулась с охапками, штук 20—25, винтовок. Стрелки успели исчезнуть. Это было около дома с номером 40 с чем-то. На углу Литейного и Невского обстреляли матросов. Но когда мы туда подоспели, там уже было все ликвидировано, хотя и были какие-то жертвы.

Пулеметчики повезли трофеи в Таврический дворец, чтобы доказать гг. Чхеидзе, Чернову, Церетели и др. «государственным» людям всю опасность контр-революции, а я отправился опять к Кшесинской узнать, что нового. Увы, нового ничего не было. Соглашатели метались и тайно вели переговоры о подавлении движения силой. Наше время еще не пришло.

Приехало несколько тысяч матросов из Кронштадта. Их черные и белые фигуры сновали по дворцу царской балерины. Какой-то матрос, с надписью на ленте "Заря Свободы", увесисто доказывал необходимость гнать в шею всех соглашателей.

Помню, вечером пошли мы вдвоем с товарищем посмотреть, что делается на улице. Было часов 11. Гудели местами толпы народа. Вдруг на Литейном нам встретилась процессия, молча, угрюмо шагавшая. Это были «сорокалетние». Солдатские шинели и крестьянские сплошь бородатые лица. Длинная процессия. Плакатов мало. Кой-где про власть советов, а больше о необходимости роспуска сорокалетних. Сторонников войны до победного конца тут, конечно, не было.

• • •

Трудно, конечно, вспомнить и описать на память, без источников, хотя бы в виде газет тех дней, это грандиозное выступление питерского пролетариата, попытку наименее трудным путем добиться перехода власти в руки трудящихся. Но еще труднее забыть эти дни. Забыть, как рождалась диктатура труда на самой гуще трудовых масс.

Что сказать о том, как кончились июльские дни?

Поручик Мазуренко, разгром помещения большевиков самокатчиками, разгром редакции «Правды», убийство т. Воинова за распространение «Листка Правды», арест Жилина и ряда товарищей из военной организации, преследование большевиков, грязная клевета о германских деньгах, беззастенчивая кампания лжи, вопли о разложении питерских рабочих и солдат—все это в угоду буржуазии и вместе с буржуазией проделали гг. эсеры и меньшевики.

Как это отразилось в рабочих кварталах и в казармах? Расскажу два эпизода.

Через несколько дней после ликвидации июльского движения 1-й пулеметный полк разоружали и расформировывали. П. К. тогда нашел приют в помещении выборгского районного комитета, где приходилось вручную тискать наши листовки. На Выборгскую сторону не рисковали заглядывать ищейки Керенского.

Как-то часов в 8—9 вечера проводили большую партию пулеметчиков по Б. Самсониевскому проспекту. Безоружные, окруженные цепью кавалеристов, они шли с гордыми песнями революции. Поровнялись с помещением комитета. Разумеется, все мы бросились с плакатами к окнам, крича приветствия пулеметчикам. Они ответили громкими криками «ура» в честь большевиков.

Другой случай. «Социалисты» Мазуренко и Церетели (тогда министр внутренних дел) издали приказ о разоружении рабочих.

На Франко-Русском заводе (в Коломенском районе) этот вопрос был поставлен на обсуждение на четырехтысячном собрании рабочих. Кто-то попытался предложить сдать оружие вместе с революцией, что рабочие делают это только под насилием, которое осуждают. При чем тут же оговорился, что дело дальше революции не пойдет.

Огромное собрание ответило таким возом негодования, что предложивший немедленно исчез с трибуны. Вместо этого приняли резолюцию чуть ли не о необходимости вооружаться еще.

Июльские дни были последней и окончательной иллюзией рабочих и солдат, что соглашатели могут использовать силу и могущество масс для борьбы за интересы трудящихся и, вместе с тем, первой попыткой решить вопрос о власти не только разговорами и словесными доказательствами, но и методами действительной борьбы. А наша партия взяла первый урок гражданской войны. Октябрь оказался талантливым учеником июля.

ВЛАД. ПАВЛОВ.

## Предметный урок.

Июльские дни—это массовый политический опыт, без которого трудно об'яснить стремительность и силу революционного натиска в октябре. Если для нас накануне июля казалось, что дальнейшему ходу революции не заказаны еще мирные, бескровные пути, то тем более такое настроение было присуще психологии матросских, солдатских и рабочих масс. Ибо это настроение, даже убеждение, покоилось на уверенности масс в своей силе. Кронштадт свою силу знал и чувствовал еще задолго до июльской демонстрации. Он чувствовал и глубокую правду своих социально-политических лозунгов. Демонстрация 10-го июня была отменена постановлением нашего ЦК. Кронштадт, готовый к посадке на суда, встретил эту отмену с недоумением и яростью.

— Кто против нас? Кто станет поперек пути нам?—бурлила, кипела в революционном огне Якорная площадь.

И наши аргументы, наши оправдания несчастной отмены были приняты, как колебания, как ничем не об'яснимая (так им казалось) робость. Матросы и рабочие *не видели сил*, могущих противостоять им, *их правде*.

Им казалось—достаточно явиться всей массой на улицах Питера, влить в них свою энергию, веру и энтузиазм, и дело кончено.

— Солдаты будут с нами, рабочие с нами—кто против нас?

И не скрою, сила кронштадтской воли к «власти советам», кронштадтского энтузиазма заражала и нас, кронштадтских руководителей. Нам всегда казалось, что Питер излишне медлит и церемонится с этой социал-коалиционной дрянью. Ведь мы-то в Кронштадте с ними не церемонились. Пепеляева выгнали, а Церетелли и там еще кого-то так приняли, что в разговорах с нами они лишь краснели, эти демократы. Ведь трусовая Россия не поверила их клеветническим наветам на Кронштадт («Кронштадт отделился», «Кронштадт Республика») и попрежнему слала своих делегатов на Якорную площадь, а наши эмиссары в Россию приносили нам чудесные вести о том, как всюду кронштадтская, большевистская правда заражает сердца трудящихся.

И когда пулеметный полк не выдержал, а под его революционным напором рабочая секция Петербургского Совета решила вмешаться в вспыхнувшую стихию демонстрации,—Кронштадт ликовал. Настал момент очистить революционный воздух от трупной коалиционной вони. Власть Советам!

До глубокой ночи на 4-е июля Якорная площадь была залита народом. Все слова были сказаны, все было ясно. Ждали решения Питера.

• •

Никогда в жизни я не испытывал такой острой ненависти к телефонной барышне, как в этот вечер. У меня готовое решение, превосходное решение, которое Якорная площадь встретит ликованием.

— Алло, алло! Кронштадт?

— Демонстрация решена!

В ответ мне по проводу несется крик удовлетворения—ура!

• •

Хмурое питерское утро встретило нашу высадку. Высаживались по обеим сторонам Невы: на Васильевской и на Английской. Строились быстро, споро. Впереди наш комитет в полном составе и со знаменем. С нами и наши эсеры—всегда немножко «левые» и анархисты. Бедный Блейхман под знаменем «власть советам». Бесконечные черные ряды с золотыми ободками фуражек: «Заря Свободы», «Освободитель», «Машинная Школа» (ее вел Анатолий Железняков) и т. д., и т. д. Дальше блузы и пиджаки, а потом гимнастерки гарнизона.

— На Петербургскую сторону!

Легкие возражения эсеров и анархистов. Да где тут! За нашим комитетом, нашим знаменем демонстрация двинулась к боевому штабу пролетарской революции—к дворцу Кшесинской.

Вот голова демонстрации обогнула садик и остановилась перед балконом дома. Яков Михайлович Свердлов от имени ЦК партии приветствует «славный революционный Кронштадт». Говорил тов. Луначарский.

— Где Ильич? Хотим Ильича!

Он вышел с обычной своей усмешкой, ласковой и что-то скрывающей.

Не помню, сказал ли он что-нибудь. Но нам было достаточно видеть.

Теперь туда, к Таврическому, чтобы заставить соглашателей разорвать с капиталом—«власть советам»!

Наша демонстрация слилась с питерской рабочей, и вышло—бесконечное, мощное. С Марсова поля я глянул назад и конца демонстрации не видно—такая силища!

По Садовой, по Невскому бодро шагаем в такт судовым оркестрам. На душе и радостно, и томит какое-то странное предчувствие. Вот оно... кажется, у Кирочной... Слышу позади подозрительный треск и глухой шум.

Оглядываюсь, не прекращая мерного шага. Что это? Демонстрация в панике разбивается к тротуарам. Трещат неизвестные выстрелы.

— Товарищи, что такое?!.

Кто-то дергает меня за ногу: ложись скорей...

Защелкали затворы винтовок. Куда, в кого, где враг? Э-э, пуля найдет виноватого!

Это продолжалось пять-шесть минут, но они показались вечностью. Пришли в себя, без команды оцепили весь квартал. С яростью вбежали в артиллерийское офицерское собрание, откуда был первый смертоносный выстрел. Там нашли не остывший еще от выстрелов пулемет.

Вот как они нас встретили! Так ладно же!

Снова наскоро строится демонстрация. Взбешенные предательским нападением, идут матросы к Таврическому дворцу. Прочь!.. не подходи к окнам!.. В этих богатых кварталах, в огромных домах, за толстыми гардинами, всюду таится предательство...

Выстрелы на Литейном были первым ударом по нашей иллюзии мирного хода революции.

У Таврического полно: полки, рабочие. Нас пропускают. Жмутся, но кронштадтцев надо пустить.

— В вас стреляли?—несется кругом.

— Да, сволочи!

Вбегаю во дворец узнать что-нибудь. Первая фигура, юркая, склизкая, когда-то большевика, а теперь... Войтинского. С явным испугом и злобой бросает мне:

— Верно ли, что эти хулиганы из Кронштадта?..

— Что-о!?.

Фигурка спешно задала тягу.

Что же дальше? Вот мы пришли. Власть советам. Встречаю кого-то из наших. Тот безнадежно машет рукой:

— Теперь эта соглашательская сволочь струсит, а потом... начнет в нас стрелять.

— Троцкого! Где Троцкий?

Ищут Троцкого, чтобы спасти Чернова. Тот осмелился перед раз'яренными представительством матросами выступить в духе Войтинского. Слово тов. Троцкого спасло его от большой беды.

Выхожу обратно к матросам—узнал достаточно. На душе скверно. Как-то они встретят крушение иллюзий! Растерянности нет, ненависть и злоба обвинуты на вождей. «Власть советам» не хотят? Стреляют? За капиталистов?!. Ладно, теперь мы знаем!..

Теперь они знают больше. Теперь мы поняли, что скрывала ласковая улыбка Ильича. Он знал больше нас еще до выстрелов. Он знал, что сейчас мы получим предметный урок, как и когда надо делать революцию.

И мы этот урок получили с первых шагов, даже раньше, чем можно было ожидать.

Дальше шло лишь продолжение предметной учебы: матросы узнавали, что такое контр-революция, соглашательство и что против них нужны не демонстрации.

Схватки с казаками... фронтовики... разоружение в Петропавловской крепости. Стыд... но кому? Позор... но чей?

Через три дня в кронштадтском совете подводили итоги. Было ли разочарование? Да, фракция беспартийных и эсеров. Хныкали, злорадствовали.

Но массы, массы затаили свои думы. А когда явились посланные Керенским усмирители, им спокойно и веско сказали:

— Уходите. Теперь мы знаем больше, и решимость у нас осталась.

А когда приехала комиссия (вы ее помните, граждане Жданов?), Кронштадт твердо заявил, что он никого ни не отдаст.

Злобную клевету на Ильича и большевиков Кронштадт встретил презрительной усмешкой: он знал цену клеветам.

Кронштадт получил предметный урок. Кронштадт знал теперь врагов и их силу. Кронштадт сдержал гнев: из энтузиазма великой правды он превратился в твердого, крепкого бойца революции, способного все выдержать, чтобы тем крепче нанести удар.

Таков предметный урок, который дали нам июльские дни. Он был великолепной подготовкой к Октябрю.

И. ФЛЕРОВСКИЙ.

## Воспоминания пулеметчика.

Приятно и грустно вспоминать июльские дни 1917 года. Приятно потому, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика первый раз встречает 16—18 июля без военных фронтов. Приятно еще и потому, что пулеметчики 1-го пулеметного полка и другие революционные полки и рабочие Выборгской стороны и многие рабочие других заводов Петроградской стороны, в 1917 году выступившие в июльские дни для свержения временного правительства, против Керенского, против власти черной реакции, против буржуазии, против царя-капитала, в конце-концов победили.

Грустно потому, что восстанию потерял много товарищей, солдаты и рабочие своею кровью окропили улицы Петрограда. Результатом выступления получилось разоружение и расформирование 1-го пулеметного и других полков, принимавших участие в выступлении.

Пулеметный полк готовился к празднованию 1-го мая торжественно, чувствуя себя как бы руководителем первомайского праздества солдат и рабочих Петрограда. Особенную торжественность чувствовали пулеметчики 2-й роты. На нашем знамени был лозунг: «Помни, капитализм, булат-пулемет сокрушит тебя».

Празднование, правда, прошло очень торжественно. Но в то же время чувствовалось, что впереди что-то будет, чувствовалось, что невидимо надвигается буря. Что послужило поводом к частым митингам рабочих,—мне неизвестно, но только в ночь на 2-е мая в пулеметный полк долетела весть о том, будто золотопогонник ген. Корнилов, бывший тогда командующим Петроградским военным округом, обращался с предложением к некоторым воинским частям «пострелять», т.-е. стрелять в рабочих Петрограда. Пулеметчики встрепенулись. Закипела работа: кто смазывал пулемет, кто набивал патроны в ленты; одним словом, у каждого пулеметчика было на уме дать отпор поднявшей голову контрреволюционной гидре.

После этого произошла смена правительства на коалиционное. Но и при коалиционном правительстве для солдат и рабочих было ясно, что вести борьбу надо до конца.

Рабочие крепко надеялись на пулеметный полк, технически хорошо вооруженный и обученный, насчитывавший более двенадцати тысяч пулеметчиков. На частых собраниях всего полка принимались резолюции с угрозами правительству. Например, в одной из таких резолюций говорилось:

«Если нас временное правительство задумает раскассировать, т.-е. расформировать, хотя бы при помощи оружия, то и мы, в свою очередь, не постеснимся раскассировать, т.-е. расформировать, временное правительство тоже при помощи оружия».

Был такой случай. От пулеметного полка потребовали на фронт пятьсот пулеметов. Для этой цели был командирован золотопогонник генерал Половцев, командующий Петроградским военным округом, со своим помощником поручиком Кузьминым. Прибыв в пулеметный полк, эти представители власти направились в барак первой роты, об'яснили цель своего прибытия. Половцев склонил пулеметчиков первой роты выдать требуемое количество пулеметов от полка. Затем они пошли в барак второй роты, где застали пулеметчиков в вольном расположении: каждый занимался своим делом. Достигнув средины барака, Половцев поздоровался с нами.

— Пулеметчики,—громко крикнул он,—я пришел к вам об'явить волю Керенского. От вашего полка требуется пятьсот пулеметов на фронт, которые вы должны собрать из каждой роты.

Товарищи, не сообразив, в чем дело, или не поняв его слов, ничего не ответили. Генерал повторил свои слова. Начался шопот, вернее, ропот среди пулеметчиков.

— Пулеметчики!—крикнул снова генерал.—Я голосовать не буду, а только прошу: тех, кто подчиняется воле Керенского, тот пройди вот сюда, а кто против воли Керенского, отойди вот туда.

Надо было ему ответить, но никто не знал, как ответить: сказать да или нет? Я, видя замешательство товарищей, вышел на середину барака и крикнул:

— Товарищи, вы видите, что хотят не голосования поднятием рук, а хотят голосования вашими личностями, чтобы видеть в лицо каждого, кто против воли Керенского, а потом помощник генерала запишет ваши фамилии; вот тогда никуда не денетесь, будете отвечать, как изменники.

Генерал прибегнул к хитрости и поспешил об'яснить «в другом виде»: «Я не буду голосовать,—повторил он,—только прошу тех, кто исполняет волю Керенского, те пусть остаются на местах, а кто против, те пусть отойдут вот сюда».

— Одно и то же!—крикнул я,—только похитрее.

— На полковое собрание!—раздалось вдруг несколько десятков голосов.

Начальство, видя себя в таком положении, поспешило удалиться в третью роту, а мы стали поспешно готовиться на собрание полка и звать товарищей других рот. Генералу пришлось поневоле итти на полковое собрание.

Когда пришли в пустующий барак на собрание, то генерал снова повторил свое требование и просил выйти из барака тех, кто не подчиняется воле Керенского, а кто исполняет волю Керенского, тот должен остаться в бараке. Услыхав такое требование, мы почти все покинули барак, остались только немногие. Генерал, видя, что остался почти один, вернул нас обратно. Тут стали говорить речи, и ни к какому заключению не пришли.

## Из истории одного завода

Я не помню точно дня, когда это было. Но историческая дата, как и все происшествие, твердо сохранились в моей памяти.

Это было вскоре после июльских дней на другой день после того, как началась охота на лесную дичь.

Что такое охота—многим читателям вероятно, хорошо известно. Для людей незнакомых с охотой, ее прекрасно описал Тургенев.

«Опушка леса. Воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит веселым блеском изумруда... Вы ждете.

Все умолкло... Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга... Сердце ваше томится ожиданием, и вдруг... вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье... и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу...».

Так, по описанию художника, происходила когда-то охота в Орловской губ.

Та охота, о которой я пишу, происходила в г. Петроградской губ., в лето от Р. Х. 1917-е, после свержения самодержавия и во время благополучного царствования эсеровско-меньшевистско-кадетского «временного правительства».

Оказывается, что ни место, ни время не изменяют прелести охоты. Тем более, что охота 1917 года служила громадным подспорьем охотникам в чисто продовольственном отношении.

В 25 верстах от Петрограда, там, где [illegible] Сестрорецкий оружейный завод, рас[illegible] этого завода, оружейников по ремеслу, было много охотничьих ружей.

Сестроречане—любители охоты. И вот, в день разрешения охоты, в лесах и на озерах собралось несколько сот рабочих-охотников.

В честь открытия охотничьего сезона были даны громовые оружейные салюты. Потом целую ночь (в той местности ночи очень светлые) стреляли дичь. На другой день на заводе только и было разговоров, что про охоту.

А на третий день рано встающее сестрорецкое солнышко видело других охотников, которые выходили из лесов. На этот раз охотились за другой дичью.

. . . . . . . . . . . . . . .

События очень быстро менялись за последние 5 лет... И даже сам Гоц не помнит, как он из охотника превратился в пойманную лису.

Но рабочие—народ памятливый. Они помнят, когда они делали революцию, когда они создавали советы, профсоюзы, завкомы; они помнят, когда они были своих врагов, когда враги были их... Словом, они помнят июльские дни 1917 года в Петрограде.

Раньше всего войска, вызванные Керенским с фронта, усмирили питерских рабочих, солдат и матросов, разоружили их; разгромили городские организации и типографии большевиков; арестовали несколько сот рабочих, во главе с Троцким и Луначарским; об'явили Ленина и Зиновьева германскими шпионами и загнали их в подполье... Это взяло у них пару недель времени, и когда они свою охоту за большевиков в городе закончили, то свое благосклонное внимание они обратили на окрестности Петрограда, в первую очередь—на Кронштадт и Сестрорецк.

Вот это как раз и совпало с открытием охотничьего сезона в Сестрорецке.

Да, так кто из сестрорецких рабочих не помнит то замечательное утро, когда «вдруг в глубокой тишине раздается особого рода...» не карканье и шипенье вальдшнепа... нет... Раздается первый заводский протяжный гудок, и восемь тысяч заводских рабочих, устало потягиваясь и протирая заспанные глаза, вскакивают с постелей, готовясь к трудовому дню. Кто не помнит это утро?.. И кто из этих восьми тысяч пролетариев не помнит, как, выйдя из квартир после второго гудка, они были поражены небывалым зрелищем: на улицах стояли воинские патрули в полном военном снаряжении, с четырех сторон завода стояло по броневику, на площади, у главного входа на завод, бивуаком расположились донские казаки, вдали виднелись санитарные повозки, а в клубе заводском из окон выглядывали лица офицеров штаба.

Да, был денек!..

После третьего гудка к работе не приступали. Рабочие группами толпились по мастерским. Шли горячие разговоры. На этот раз говорили не об охоте, а об «охотниках».

В механической мастерской, где я работал в то время, мы в маленьком, тесном кругу шопотом спрашивали друг друга: не известно ли кому об от'езде тов. Ленина из Сестрорецка. Дело в том, что Ильич, незадолго перед этим, приехал в Сестрорецк и скрывался на квартире сестрорецкого рабочего. Об этом знали в Сестрорецке очень немногие. Эти же товарищи знали также и о том, что Ильич из Сестрорецка должен был уехать.

Само собой понятно, что в нашей маленькой группе, прежде всего, стал этот вопрос об Ильиче. И для того, чтобы произвести «глубокую разведку» по этому вопросу, мы решили предпринять следующее.

Было об'явлено о том, чтобы все члены заводского комитета и представители от мастерских собрались на экстренное заседание. Через десять минут заседание открылось. Мы по телефону обратились в штаб прибывшего отряда к командующему с «вежливой просьбой» явиться немедленно на заседание. Нам уже стало известно, что командующий какой-то штабс-капитан причисляет себя к.... «российской социал-демократической рабочей» партии меньшевиков.

Командующий, как и подобало меньшевику в таких случаях того времени, явился быстро. Он пришел с двумя ад'ютантами в сопровождении генерала, начальника завода.

Полная тишина. Командующий и начальник завода садятся на заранее приготовленные стулья. Еще одна секунда... ему задается вопрос:

— Вы приехали арестовывать?..

— Нет, — вскакивает командующий-меньшевик,—у нас одна цель и один приказ: произвести мирное разоружение рабочих.

Немного отлегло от сердца. Коль скоро командующий преследует только эту одну «скромную» меньшевистскую цель, значит, о Ленине и Зиновьеве он ничего не знает. Хотя... кто его знает, какие там у него настоящие приказы?..

Заседание длилось минут десять. Оно имело исключительно информационный характер. К концу заседания мы попросили, конечно, очень вежливо, «посторонних» удалиться. Они ушли, и мы остались сами.

Как только начальство вышло, так сразу же в наше помещение начали входить рабочие из разных мастерских за сведениями. Народу набилось столько, что ни о каком заседании думать не приходилось. Мы быстро поделились с товарищами теми сведениями, какие у нас были. Об'явили о том, что новое заседание начнется через час, а сами тем временем решили тут же посовещаться в узком партийном кругу.

. . . . . . . . . . . . . . .

Где ты теперь, партийный круг Сестрорецкого завода?.. Куда раскинул тебя вихрь революции? Какие ветры развеяли, какие дожди омывали кости бойцов-сестроречан, погибших на бесчисленных фронтах?

Широкий партийный круг—тот постепенно погибал в широких размерах в снегах Финляндии, в Гдовских болотах, на приступах к Петрограду.

Узкий партийный круг — тот поодиночке выбывал из строя.

Семен Восков—он погиб потом на южном фронте уже в то время, когда Красная армия приканчивала Деникина. Но в то время, когда мы собрались на партийное совещание, Восков был с нами.

— Я предлагаю дать вооруженный отпор,—страстно шептал он.—Эти идиоты боялись ночной смены и на заводский склад не поставили ни одного часового. Там в ящиках упаковано несколько тысяч винтовок... Патроны на полигоне имеются в громадном количестве... Рабочие настроены наилучшим образом...

— Ну, а партийная директива есть?.. А что будет дальше?..—отвечали ему.

— Видно будет...—вмешался Шурка Никитин.

Шурка Никитин. Это тот самый, который потом воевал в Гдове, и когда известный Балахович неожиданно ночью совершил «лихой» кавалерийский налет на Гдов, Шурка Никитин, оставшись один из всего отряда, палил из пулемета до тех пор, пока его не убили. Его труп удалось товарищам впоследствии отбить. Но на Шурку Никитина этот труп не был ни капли похож, так обезобразили его после смерти сподвижники эсеров.

Но в то время, на том совещании Шурка Никитин был [illegible] немножко, пролетарием-инструментальщиком.

— Постой, Шурка,—вспомнил кто-то,—ты лучше скажи, кто дежурит сегодня на заводской телефонной станции?.. Какие барышни?

Шурка покраснел.

— Я тут не причем... Что за глупые шутки?..

— Да не в тебе дело. Дело в разговорах, какие ведутся штабом с Питером.

— А-а... понимаю,—щелкнул пальцами Шурка.—Разговоры штаба будут через полчаса здесь, на столе. На дежурстве сегодня Маня и Катюша...

Шурка исчез. На нашем узком совещании было решено «мирно» выдать винтовки. Широкое заседание заводского комитета, с представителями от мастерских, согласилось с этим решением. Мы снова вызвали командующего отрядом и об'явили ему в присутствии многочисленных рабочих, что вынуждены подчиниться грубой силе во много раз сильнейшего противника, не желаем проливать кровь товарищей, обманутых солдат-фронтовиков, и предлагаем ему договориться с нашими парламентерами о технике разоружения.

Техника оказалась очень простой. Дается гудок, и рабочие идут по домам. Те из них, которые имеют винтовки или охотничьи ружья, возвращаются через час - два обратно и складывают оружие на площади у фонтана перед главным входом на завод.

Ох, как заунывно загудел гудок через несколько минут!..

. . . . . . . . . . . . . . .

Знаете ли вы, милостивые государи из эсеровской партии, что значит, когда рабочим пришлось через пять месяцев после свержения династии Романовых сдавать винтовки офицерам этой самой династии?..

Те самые [illegible] ли такую великолепную службу в начале марта, когда из Сестрорецка рабочие везли в Петроград пойманных ими на финляндской границе царского министра Макарова и его сподвижников...

Те самые винтовки, которые делались на Сестрорецком заводе руками тех, кто должен был в июльские дни собственноручно складывать их на заводской площади, под грубые казацкие шутки.

Знаете ли вы, что это означало тогда, в июле 1917 года?..

Это означало, что только в июле 1922 года вы, эсеры, должны будете сидеть на скамье подсудимых и давать отчет о ваших поступках победившему пролетариату.

Теперь это знаете и вы, и мы. А тогда сестрорецкие рабочие этого еще не знали. Этого еще не знали рабочие многих других городов. Этого не знали также и те солдаты-фронтовики, которые окружили Сестрорецкий завод.

Если бы им было известно все то, что стало понятным в октябре и позже, то кто знает: понадобилось бы им пять лет воевать, голодать и гибнуть, ведя борьбу против эсеровско-учредиловских и генеральско-помещичьих армий? История, даже в революционное время, пишется медленно.

Но винтовки в тот день были сданы быстро. Через час после гудка к заводской площади потянулись толпы рабочих с винтовками не на плечах, а в руках.

Некоторые из рабочих несли по несколько штук. Это были рабочие-эсеры. Надо сказать, что в то время почти у каждого сестрорецкого рабочего была винтовка. Эсеры, меньшевики не составляли исключения. И тут же надо прибавить, что рабочие эсеры и меньшевики нашего завода, за очень редким исключением, никогда не злоупотребляли своими винтовками против рабочего дела.

[illegible] рабочих сдавать винтовки, то рабочие-большевики по дороге передавали свои винтовки рабочим - эсерам, говоря: «Ваши товарищи Керенский и Гоц прислали казаков разоружить нас, так вот вам наши винтовки, отдайте их сами вашим товарищам».

Рабочие - эсеры были подавлены всей этой историей не меньше нас. Они, смущенные, молчаливо брали из наших рук винтовки и с озлоблением бросали их в кучу на площади. Там в короткое время образовалась целая гора винтовок.

Мы снова были в мастерских. Работать, конечно, не начинали, а делились впечатлениями. Оказалось, что у большинства из рабочих, пока они еще были утром из завода, солдаты успели произвести обыск. Но так как домов было много, а обыскивающих нехватало, ибо основные силы занимали «командующие высоты», то обыски были весьма поверхностны. Тщательно был обыскан только клуб большевиков. Там произвели форменный разгром. Красные знамена оказались разорванными, портреты пробиты штыками, книги изодранными, и т. д.

Мы думали, что на этом закончится храброе наступление войск, преданных «временному правительству». Так мы думали.

В Петрограде, в штабе военного округа, думали иначе.

Не успели мы все снова собраться в помещении заводского комитета, как вбежал Шурка Никитин.

— Нас арестовывают!.. Я слышал переговоры по телефону... Командующий рапортовал о сдаче оружия и просил дальнейших указаний... Ему предложили: арестовать и препроводить в штаб петроградского военного округа главарей-большевиков... Как быть?..

Мы [illegible] поняли всю стратегию. Сначала надо было разоружить, а затем (чем больше) арестовать.

После собрания, проходя мимо второй роты, поручик Кузьмин, указывая на надпись второй роты, сказал: «Вторая рота пулеметного полка».

— Это не вторая рота, а чортова рота,—злобно ответил генерал Половцев.

Мы, услыхав такое оскорбление нашей роты, дали им отойти шагов десять и стали им вслед свистать.

Временное правительство, узнав о таком результате, прислало нам бумагу с посыльным, требуя обязательной выдачи требуемых пулеметов. Пулеметчики пошли на уступки, но с условием выдать из склада, а не из рот. Правительство согласилось, думая, что в Ораниенбаумском складе нет оружия, но ошиблось. Мы выдали требуемое количество пулеметов, а оставшиеся двенадцать пулеметов распределили по ротам. Правительство хотело оставить пулеметы в Петрограде для того, чтобы направить их против нас. Но мы, не доверяя такой благодетели фронта, решили отправить пулеметы на фронт в сопровождении наших верных товарищей. Тогда правительство дало распоряжение по телеграфу по всем железным дорогам: где будет следовать поезд с пулеметами, отцепить вагоны и отправить их обратно в Петроград. Но сопровождающие пулеметы товарищи угрозой расстрела не допускали отцеплять вагоны и доставили пулеметы по назначению.

Наступали июльские дни. После обеда, в 4 часа 16 июля, было созвано общее собрание полка, на котором было постановлено выступить против политики Керенского и его шайки министров-капиталистов. Какое бодрое настроение было у нас! Каждый пулеметчик бросался готовиться к выступлению: кто таскал пулемет, кто ленты с патронами, а кто просто винтовку. Я лично, видя такие спешные сборы и суматоху, стал говорить о более организованном выступлении, говоря свои соображения, как надо выступить, чтобы дать понять временному правительству, что оно более нам не нужно, и пора ему убраться подобру, по-здорову. Но меня мало кто слушал, потому что у всех было одно желание—поскорее выступить, а молодые пулеметчики, потерявшие воинскую дисциплину, совсем не слушали, двинулись со двора, как стадо баранов, неорганизованно, без руководителей.

Некоторые товарищи, не попав на грузовики, которых было мало, выбежали с винтовками на улицу, стали останавливать пассажирские автомобили, высаживали пассажиров, ставили на них пулеметы и раз'езжали по улицам, наводя панику на буржуазию.

Буржуазия в начале выступления в страхе бросилась прятаться, кто на чердак, кто в подвал, но, придя в себя и видя, что пулемет на пассажирском автомобиле, в виду неудобства обращения с ним, не представляет никакой опасности, осмелела. Буржуйчики выбегали на улицы с револьверами в руках, останавливали автомобили и отбирали пулеметы у неопытных молодых товарищей. Более же опытные товарищи, выехавшие со двора на грузовиках, направились к зданию временного правительства. На их знаменах был лозунг: «Вся власть Советам».

Вечером стал моросить дождь, который, все усиливаясь, заставил многих пулеметчиков вернуться в барак пулеметного полка. На следующий день, 17 июля, буржуазия совсем очнулась от страха. Спрятавшееся-было временное правительство отдало приказ поднять мосты, чем прекратило сообщение Выборгской стороны с Петроградской. Пулеметчики же, видя такое положение для себя невыгодным и во избежание лишних бед, стали покидать занятые было пункты. А 18 июля наше выступление было ликвидировано.

С тяжелым предчувствием расправы мы стали ожидать от негодяев-победителей мести. Правительство учитывало, что пока у нас оружие в руках, мы настолько сильны, что всецело с нами справиться, а как взять у нас оружие,—это было для правительства загадкой. Повидимому, было тайное совещание, на котором было решено предложить пулеметчикам привезти пулеметы якобы для учета на Дворцовую площадь, после же учета снова вернуть пулеметы обратно. Но пулеметчики, видя в этом предложении явный обман, ответили только смехом.

Настало 20 июля. В 1-м часу дня была получена телефонограмма, в которой говорилось, чтобы мы привезли пулеметы на Дворцовую площадь к 3 часам, в противном случае в 5 час. вечера приедут казаки и нас расстреляют. С болью в сердце стали ожидать выполнения угрозы. Наконец, прошли томительные 2 часа, а казаки не появлялись. Тогда некоторые товарищи стали говорить о трусости негодяев правителей, что никакие казаки не посмеют на нас броситься, что весь петроградский гарнизон не в состоянии с нами бороться, и, кроме того, у нас есть наши товарищи единомышленники, которые выступили с нами вместе. Мы просили, чуть не умоляли не отдавать пулеметов, потому что без пулеметов мы не пулеметчики, и тогда что им вздумается, то и сделают с нами.

Рабочие Выборгской стороны с замиранием сердца ожидали, что будет с пулеметчиками. Затем снова получается телефонограмма в 7 час. вечера с теми же требованиями, чтобы мы доставили пулеметы к 9 час. веч. на Дворцовую площадь, а за неисполнение сего требования будет к нам применена сила. Но казаки опять не явились. Такие требования продолжались до 5 час. утра. И было видно, что многие пулеметчики стали колебаться.

В 5 час. утра 21 июля приехал к нам в полк слуга буржуазии меньшевик Войтинский, член исполкома Петроградского совета. Мы собрались его слушать. Он требовал сдачи оружия. Но колеблющиеся товарищи (их было большинство) согласились выдать оружие, потому что Войтинский обещал нам ненаказуемость за наши дерзости и сказал, что никто нам худа не желает.

К нам стали приходить рабочие Петрограда и Выборгской стороны, весть о сдаче пулеметчиками оружия быстро разнеслась. Они обсуждали наше положение и с упавшим духом уходили на работу в заводы.

Приблизилось назначенное время сдачи оружия. Настало 10 час. утра, но из рот еще не решались первыми сдавать пулеметы. Наконец, после грозной телефонограммы и долгих препирательств и ссылок друг на друга, в 11 час. утра пулеметы были отвезены на Дворцовую площадь. Привезя их на место назначения, товарищи-солдаты увидели представителей власти и услышали слова: «Нам пулеметы не нужны, нам не с пулеметами разговаривать, а с народом». Дали нам в полк телефонограмму, требующую всех пулеметчиков на Дворцовую площадь. Мы, оставшись без оружия, стали собираться. Вышли во двор, построились в пешие отделения.

Какие проводы были устроены нам товарищами-рабочими Выборгской стороны, даже описать трудно. Мрачные, унылые, упавшие духом, потерявшие в нас веру, с глазами, полными слез, смотрели они на нас. Мы испытывали неописуемую тяжесть при виде рабочих. «Лучше не смотрите на нас»—мелькало у многих в головах.

Наконец, подошли к Литейному мосту, и рабочие скрылись у нас из виду. Тут мы вступили в царство буржуазии. Перед нами точно из земли выросли расстрельщики-казаки. Они окружили нас с обоих сторон и, как конвоиры, поехали рядом. Буржуазия, когда увидела нас в сопровождении казаков, злорадно и злобно хохотала. Она торжествовала. Некоторые наглые толстопузые буржуи подбегали к нам, плевали в лицо, издевались над нами.

Вот пришли, наконец. Тут нас мгновенно оцепила кольцом штыков 5-я армия, присланная Керенским с фронта для усмирения бунтовщиков-пулеметчиков. Офицерство важно раз'езжало на конях вокруг обезоруженной толпы. Глаза их злобно горели, они над нами смеялись, окружающие нас смеялись, как будто даже стены гигантов-домов, и те ликовали.

Вдруг слышу голос: «Ваше благородие, разрешите пустить в ход оружие». Офицер улыбнулся, повернул лошадь и, как мне показалось, поехал справиться к высшей власти. Возвратившись, он оглядел нас презрительным взглядом, но ничего не сказал.

Мы стояли, дожидаясь своей участи, потом стали садиться на голые камни мостовой, и в таком положении провели 17 часов под открытым небом, голодные. Утром в 9 час. последовало распоряжение отвести нас в пустые дома, где оставили нас на время, и затем отпустили обратно в помещение полка, оставив под арестом некоторых видных товарищей командного состава и членов ротных и полковых комитетов.

Так закончилось наше выступление в июльские дни. Оно стоило жертв, но зато многим товарищам открыло глаза на путь к революции и коммунизму.

**ПУЛЕМЕТЧИК.**

# 3—5 июля в Ревеле.

Ревель, нынешняя столица Эстонии, в 1917 году представлял из себя простую крепость на Балтийском море.

Вся власть принадлежала коменданту крепости, т.-е. военному ведомству, и, разумеется, трудно приходилось в таких условиях нам, коммунистам.

Прифронтовый город, имеющий полуторатысячный сухопутный гарнизон, плюс несколько десятков тысяч береговых матросов (нужно сказать, что береговые матросы—это не те балтийцы боевых судов, которые сыграли такую славную роль в революции, эти матросы, в большинстве своем «клешники»). На этой солдатско-матросской крестьянской массе пышным букетом расцвела партия эсеров.

Каким образом комплектовалась эта партия? Для этого позвольте будет вспомнить такой эпизод.

Ревельский совет постановил образовать фракции. Солдаты первоначально этого не хотели: «Чего там—фракции!—негодовали они,—мы все одинаковые, мы все за одно».

Решали вопрос весьма легко, например:

— Ты—крестьянин? — спрашивает один солдат другого.

— Крестьянин,—отвечает тот.

— Пойдем к эсерам записываться.

Эти записались, встречают других, и та же история. А там солдаты замечают, что все военные записываются в одном месте; значит, солдат к солдату, и всем кагалом в какие-нибудь пять минут делаются эсерами.

В результате ревельский совет был на три четверти эсеровский,—исключительно солдаты, матросы и офицеры, и на *одну треть большевистский*,—*исключительно рабочие*, не считая двух-трех солдат. Меньшевиков было всего несколько человек—из заводской интеллигенции: инженеры, техники и т. д.

Когда в Ревеле стало известно, что в Петрограде рабочие вышли на улицу, ревельский комитет большевиков решил организовать уличный митинг, а там, смотря по результатам, и уличную демонстрацию.

В назначенный день (точно не помню, но именно в этот период—3—5-го июля ст. ст.) рабочие, по окончании работ на заводах, собрались около здания комитета нашей партии. С знаменем комитета отправились мы на Рыночную площадь, около эстонского театра.

Погода была хорошая, собралась огромная масса людей. Произносились речи о предательском наступлении 18-го июня, организованном Керенским. Вдруг смотрим—от Екатериненталя, где был матросский клуб и комитет эсеровской организации—сплошное осиное гнездо—боль-шими толпами бегут раз'яренные матросы. Молча, но энергично проталкиваясь сквозь толпу, они добрались до трибуны и с криком: «долой большевиков», «долой германских шпионов», сорвали красное знамя, разорвали и стали топтать ногами.

Нужна была удивительная стойкость рабочих, чтобы перенести это оскорбление. Казалось, еще минута—и заварится каша. К счастью, этого не случилось. Рабочие отбили знамя и так же организованно, как вышли, возмущенные, вернулись обратно.

Эсеры торжествовали. Не думали ли они о том, к чему могла бы привести эта провокация в городе, где так много солдат?

Это как нельзя лучше подтвердилось теперь.

Но этим не кончилось. На другой день помещение нашего комитета партии запечатано, редакция газеты «Утро Правды» разгромлена, все бумаги забраны, редактор арестован, и у здания поставлены часовые. И в тот же день, получив питерские газеты, мы узнали, что в Питере было настоящее восстание, что одних убитых было около 400 человек.

«Правды» своей мы уже не получали.

Буржуазные газеты аршинными буквами печатали документы *о получении денег* большевиками от Германии. «Социалистическая» пресса на каждом столбце газет кричала о том, что большевики-де во всем виноваты, что они только кричат «власть советам», а на самом деле за передачу власти немцам.

Эта волна чудовищной клеветы захлестнула и наш Ревель. На улице нельзя было *говорить за большевиков*. Масса было случаев, когда просто неосторожно проговорившегося, даже и не большевика, тут же на улице избивали. Военное командование, пользуясь случаем, всех солдат, заподозренных в большевизме, отправляло **на фронт**.

К счастью (а мы очень счастливы в нашей революции), генералы и тут перегнули палку: они стали арестовывать, наряду с большевиками, и эсеров в армии. Это самым отрезвляющим образом подействовало на солдат. В этом отношении события 3—5 июля, поскольку они были и тяжелы для нас, постольку и благотворны для дальнейшего развития борьбы. Достаточно сказать, что через месяц никто уже не верил в сказку о продажности большевиков. Через месяц мы в совете имели уже равные силы с эсерами, а ко времени корниловского мятежа мы уже диктовали свою волю, и вся солдатская масса была на нашей стороне.

Секретарь военной секции ревельского совета Р. и К. Д. **И. Жига.**

# 3—5 июля 1917 года.

(Беглый очерк).

Рабочая секция Петроградского Совета после доклада т. Троцкого принимает резолюцию о необходимости перехода власти в руки Советов.

3-го июля на улицу с этими лозунгами выступают первый пулеметный, гренадерский и московский полки. Из Ораниенбаума выступает 2-й батальон пулеметного полка и солдаты стрелковой школы; из Петергофа—3-й стрелковый. Почти весь гарнизон Петрограда резко враждебен временному правительству.

К 5-ти часам вечера забастовало большинство заводов и фабрик Петрограда. Прекратилось трамвайное движение. Центральный Исполнительный Комитет выпускает воззвание против вооруженного выступления. На Невском почти всю ночь митинги.

Утром на другой день в Петроград прибыли кронштадтцы-матросы и солдаты в полном вооружении, и направились к дворцу Кшесинской—к Центральному Комитету большевиков. Там их приветствовал т. Луначарский. Кронштадтцы приняли решение в полном порядке итти к Таврическому дворцу и выделить делегацию, которой поручить категорически требовать перехода власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Все заводы и фабрики не работают. Войска и рабочие на улицах. По Литейному мосту в 12 час. дня прошли тысячные колонны рабочих с плакатами: «Долой министров-капиталистов!», «Долой приказы против матросов и солдат!» «Власть Советам!»

Временное правительство издает постановление о запрещении вооруженной демонстрации. Вечером заседает штаб Петроградского военного округа; ведутся переговоры с казачьими частями «о единстве действий». Проходит слух об аресте членов временного правительства.

В заседании 5-го июля при Ц. И. К образуется чрезвычайная следственная комиссия по расследованию событий 3—4-го июля. По всем заводам и фабрикам в Петрограде идут митинги и собрания. На Литейном снова стрельба.

В это время преображенцы арестуют т. Каменева, при чем один из офицеров проявляет особое рвение, призывая солдат немедленно приколоть или утопить его.

В «Правде»—обыск и свирепый разгром редакции. Разгром большевистских центров и редакций юнкерами. На улице арестуют т. Луначарского по доносу некоего «господина», который уверял, что он видел, как т. Луначарский стрелял из пулемета.

В штабе округа, руководящего усмирением рабочих и революционных солдат, постановлено «узаконить все распоряжения военной власти по ликвидации событий». Генерал-прокурор санкционирует эти распоряжения с точки зрения закона.

*Началась расправа* с рабочими и революционными солдатами, аресты и травля большевиков. В ночь на 7-е июля производится обыск на квартире т. Ленина. Делегация от Балтийского флота, прибывшая на миноносцах «Орфей» и «Гремящий», арестована. Клевета и ложь об июльских событиях, о партии большевиков, о Ленине, Зиновьеве и др., пущенные в оборот Алексинским, Бурцевым и К°, приобретает чудовищные размеры и неслыханное бесстыдство.

Даже меньшевик Волгин вынужден констатировать, что «никогда еще волна ругани, злобной и грубой лжи и клеветы не поднималась так высоко, как сейчас».

**С.**

Через несколько минут подтверждение. Заходит мой сосед по мастерской, рабочий-эсер, весь бледный, страшно взволнованный, подходит ко мне и говорит:

— Я только что узнал о том, что вашу группу решено арестовать (он был член всероссийского комитета и ему под строжайшим секретом об этом сообщили из кабинета начальника завода). Я считаю это решение величайшей гнусностью со стороны военного начальства. Уверен, что члены ЦИК об этом не знают, и поэтому предлагаю вам лично и вашим товарищам помочь скрыться...

Это был наивный рабочий. Он не знал что в Петрограде величайший контакт между эсеровским большинством Цика и военными властями. Он не знал, что многие «лидеры» тогдашнего Цика жили в Сестрорецке на дачах и великолепно знали обо всем, что происходит на заводе.

Мы поблагодарили его, но от услуг отказались. Началось заседание.

Скрываться не имело смысла. На заводе была громадная партийная ячейка. Недостатка в работниках также не было. Влияние нашей партии было колоссальное. За нами были тысячи, за соглашателями—десятки, сотни. Мы знали что наш арест оттолкнет от соглашателей и эти последние сотни. Решено было не скрываться.

Скоро появляется командующий с ассистентами, только на этот раз он смущен и мы спокойно-равнодушны.

«Ну-ка, меньшевистская дама, где тут повесить разговор?»—цедит сквозь зубы Никитин.

Выходило, что командующий должен нарушить свое «честное» офицерское слово.

— Нет! На этот раз мы ему не позволим начать разговор. Мы сидели молча и ждали, а он выступил, сразу на ступень...

— Я, знаете, не ожидал... Я, знаете, получил приказ из штаба округа... Я думаю, что это вызывается в Петрограде... Я прошу таких-то и таких-то поехать со мной в штаб...

Хорошо говоря, вся речь была на тему: «я ожидал, получил, думаю, прошу и т. п.»

Мартов теперь так не разговаривает. Есть и во время маленькие Мартовы, да еще офицерскими погонами на плечах, да «не нарушавшие свое «честное» слово», да окруженные со всех сторон негодующими рабочими...—тем приходилось хуже, чем Мартову в Берлине.

Мы решили посмеяться. Притворившись, что не понимаем, в чем дело, мы заявили, что готовы завтра приехать в Петроград и представиться по начальству...

— Ах, нет,—еще больше смутился командующий,—вы должны поехать сейчас со мной.

—Но, позвольте, сегодня мы должны работать на заводе. Ведь, вы сами видите—завод важный для фронта...

— Да, но у меня приказ...

— Но у нас нет приказа бросить работу...

— Но я... я... должен вас арестовать!

Пауза. Все сидят неподвижно.

— Ах, вот как!.. Вот в чем дело! Вот где ваше офицерское слово! Понимаем...—раздаются возгласы с нашей стороны.

Комедия кончена.

. . . . .

Что было потом?

Читателю, ведь, неинтересно, и для дела не важно, что каждый из нас переживал и пережил. Из массовых сцен я помню следующее.

Вокруг грузовика, на котором мы сидели под охраной солдат, стоит несколько тысяч рабочих и работниц. Они бросили работу, чтобы проводить в тюрьму своих депутатов, избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Мы призываем их к выдержке. Мы говорим им речи о том, что солдаты—наши братья и товарищи, а эсеры и меньшевики—наши кровные враги. На солдат это действует поразительно. Начальство отдает приказ двигаться. Каждый хочет попрощаться за руку... Поют Интернационал... Кричат какие-то ругательства офицерам и казакам... По дороге машут платками из окон... Через несколько минут мы за городом.

Потом остановка у Белоострова. Офицер делает внушение нам и солдатам за то, что мы—арестанты, а они солдаты—конвойные мирно разговариваем друг с другом.

— Старший!—кричит офицер.—Устав караульной службы знаешь?

— Знаю...—отвечает молоденький старший, а потом тихо прибавляет соответствующие прилагательные.

Потом через Выборгскую сторону мы в'езжаем в Петроград. Наша процессия из грузовиков и броневых машин здесь особого удивления не вызывает. Видно, за пару недель питерцы уже привыкли к этим картинкам.

Мы под'езжаем к штабу. Нас встречают юнкера. Многозначительные улыбки штабных офицеров. Потом нас сажают в штабной подвал. Он наполовину набит конфискованной большевистской литературой. Каждый из нас через полчаса уже держит в своих руках библиотечку из сочинений Маркса, Каутского, Ленина и других. Разыгрывается инцидент между нами и юнкером-разводящим. Будущее «высокоблагородие» начальническим тоном нам приказывает убрать камеру.

— Но, позвольте, тут масса литературы,—возражаем мы.

— А вот печка... Сожгите ее,—вразумляет начальство.

— Но, ведь, это литература... Но, ведь, теперь лето, в подвале душно... Мы вам не истопники...

Юнкер разгневан. Он хлопает дверью. И за дверью слышится: «негодяи»!

Мы оскорблены. Мы вызываем караульного начальника. Нам, говорят: можете жаловаться.

Потом допрос.

Во-первых: вы участвовали в июльском «восстании»? Во-вторых: вы в ночь на такое-то обстреливали воздухобойную батарею в Сестрорецке? В-третьих вы... большевики?

Первое и третье для нас ясно. Второе мы не понимаем. Нам об'ясняют: вот батарея, вот лес... в ночь на такое-то была стрельба залпами, пули долетали на батарею, что можете сказать?..

Ну, что нам сказать?.. Тургенев уже все рассказал об охоте. Лучше не скажешь.

Потом нас отправляют ночью в «Кресты».

По дороге один из юнкеров охраны говорит о том, что их школа решила обсудить грубый поступок разводящего. Желаем им благополучного обсуждения. Потом одиночные камеры.

«Социалистического» пайка нам не давали. Прогулок вначале не было. На коридорах встречались с матросами.

Через несколько дней нас вызвали в контору. Там был «сам» Богданов. Он от имени президиума Цика об'явил нас свободными. Тут же нас ожидала делегация от Сестрорецкого завода.

Потом снова пошло митингованье в Сестрорецке. «Теперь, меньшевики и эсеры, не попадайтесь в наших краях...»—таков был голос рабочих.

*Потом, во время корниловского наступления*, мы снова вооружились и, надув Чхеидзе, вооружили питерских рабочих трехлинейками.

**А потом... потом было настоящее октябрьское восстание... Гоц—Либер—Дан полетели вверх тормашками.**

**С. ЗОРИН.**

# Гаагская конференция.

**Срывают конференцию.**

ЛИОН, 14 июля. (Радио франц. прессы). По сообщению из Гааги комиссия по вопросам частной собственности, под председательством Ллойд-Грима, единогласно постановила отправить председателю российской комиссии ноту, с уведомлением о бесполезности нового совместного заседания означенной комиссии с представителями России. «На Россию,—пишет «Матен»,—возлагается ответственность за срыв конференции, в то время, как Франция подает миру пример своей доброй воли». (РОСТА).

**Запрос в английском парламенте.**

ЛИФИЛЬД, 14 июля. (Радио англ. прессы). Преждевременное сообщение о срыве Гаагской конференции было предметом запросов во вчерашнем вечернем заседании палаты общин. Отвечая на эти запросы Ллойд-Джордж заявил, что правительством не получено никакого официального подтверждения сообщения о срыве конференции. Правда, конференция, *сказал* премьер, остановилась на мертвой точке, но, помимо этого, никаких известий он из Гааги не имеет. (РОСТА).

**Советская делегация не капитулировала.**

БЕРЛИНЕР, 14 июля. (Роста). Большинство газет сообщают о предстоящем срыве Гаагской конференции. Корреспондент «Берлинер Тагеблатт», подчеркивая франко-бельгийскую попытку создать против России общий фронт, пишет: «Перемена английской тактики в соответствии с желаниями Франции—очевидный факт».

По поводу кризиса конференции «Роте Фане» замечает: **«Советская делегация не капитулировала перед капитализмом. Совпадение кризиса в Гааге, внутреннего кризиса в Германии и кризиса по вопросу о репарациях не случайно. Это—симптом дальнейшего распада капитализма. Советская Россия является в настоящее время единственной непоколебимой скалой, определенно ведущей свою ясную политическую линию».**

# В Германии.

## Борьба против реакции обостряется.—Массы протестуют против компромиссов с буржуазией.

**КОММУНИСТЫ ПРИЗЫВАЮТ К ЕДИНОМУ ФРОНТУ И БОРЬБЕ ЗА РАБОЧЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.**

БЕРЛИН, 13 июля. (Роста). В «Роте Фане» опубликовано **открытое письмо центрального комитета коммунистической партии к социалистическим партиям и профессиональным союзам, предлагающее вновь образовать единый пролетарский фронт, в целях совместного осуществления *минимальных* требований.** Воззвание, ссылаясь на единодушное отклонение буржуазными партиями всех предложений, основанных на берлинском соглашении, **предлагает руководящим организациям оказывать поддержку контрольным комиссиям, требует роспуска рейстага и отказа от коалиционной политики, а также создания рабочего правительства.** Как на средство для осуществления общих требований пролетариата, воззвание указывает на немедленное **об'явление всеобщей забастовки, в виду того, что буржуазный блок превращает закон о защите республики в закон о наступлении против рабочего класса.**

**РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАСТРОЕНИЕ РАБОЧИХ.**

БЕРЛИН, 12 июля. (Роста). На общем собрании рабочих заводов Цейса в Иене вынесена резолюция, требующая, чтобы всеобщее германское об'единение профессиональных союзов пред'явило правительству ультиматум,—**выполнить в трехдневный срок требования пролетариата.** В случае отказа от выполнения этого ультиматума, немедленно должна быть **об'явлена всеобщая забастовка без ограничения ее срока.**

**ЗА ЕДИНЫЙ ФРОНТ БОРЬБЫ.**

БЕРЛИН, 12 июля. (Роста). Свободные профессиональные союзы совместно с тремя рабочими партиями образовали в Эссене комитет действия, цель которого—следить за всеми попытками реакционных выступлений. В своем манифесте комитет призывал всех трудящихся оказать ему поддержку. Комитет *предлагал доставлять ему сведения* о всех контр-революционных складах оружия и составить список реакционных чиновников в рейхсвере, охранной полиции, школе и других государственных учреждениях.

**ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ.**

БЕРЛИН, 14 июля. (Роста). Конференция президиума профсоюзов 3 рабочих партий в Тюрингии обратилась к профсоюзам берлинских рабочих партий с **призывом восстановить единый фронт.** Одновременно конференция обратилась с воззванием и к *рабочей прессе* Тюрингии избегать всего, что может повредить единому фронту.

В Кенигсберге **независимые энергично протестуют против решения имперской конференции относительно вхождения независимых в правительство и требуют созыва чрезвычайного партейтага для пересмотра решения. Буржуазная пресса, с своей стороны, больше, чем когда-либо, призывает к созданию буржуазного блока.** По мнению «Теглихе Рундшау», момент требует **сплоченности буржуазии** для защиты своих интересов. В Померании уже создан большой «единый блок отечества», чем весьма довольна пресса Стиннеса. Правительственный кризис, по слухам, будет улажен одновременным привлечением в кабинет *представителей* независимых и народной партии из числа лиц, не входящих в рейхстаг.

**ПРОТИВ УСТУПОК БУРЖУАЗИИ.**

БЕРЛИН, 13 июля. (Роста). Социал-демократическая фракция рейхстага получает со всех концов Германии телеграммы от провинциальных отделов партии, **настойчиво предостерегающих фракцию от компромиссов с буржуазными правительственными партиями,** а также от принятия закона о защите республики в нарочито неопределенной форме. В 12 округе создан комитет действия 3 рабочих партий, программа *которого—мобилизовать силы рабочего* класса для проведения в жизнь во что бы то ни стало единого пролетарского боевого фронта. В своей резолюции комитет действия призывает остальные берлинские округа также создать комитеты действий.

**РАЗОЧАРОВАНИЕ В СОГЛАШАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ.**

БЕРЛИН, 12 июля. (Роста). На происходящем сейчас в Хемнице областном с'езде саксонских социалистов большинства принята единогласно резолюция, решительно отвергающая какую бы то ни было коалицию с народной партией. Как отметил в своей речи саксонский министр-президент Бук, подобная резолюция идет в разрез с разрешением с'езда в Герлице. Но многие ораторы говорили о том **разочаровании, которое герлицкие решения доставили рабочим.** Они сильно мешали привлечению новых членов в партию. Областным с'ездом была принята далее резолюция с пожеланием скорейшего организационного об'единения с партией независимых. С'езд приветствовал позицию, занятую лейпцигской организацией независимых социалистов в вопросе о правительственной коалиции.

**ПОД ДАВЛЕНИЕМ РАБОЧИХ.**

БЕРЛИН, 13 июля. (Роста). Внутреннее положение в Германии вновь обострилось. Под давлением вождей профессиональных союзов, социалисты большинства сегодня утром заявили, что они должны настаивать на расширении правительственной **коалиции влево.** Вирт вызвал Эберта, находящегося в отпуску, в Берлин. Буржуазные партии относятся к новому повороту с полным равнодушием, подчеркивая, что выступление профессиональных союзов является исключительно маневром, предпринятым в целях давления на рейхстаг накануне третьего чтения закона о защите республики. Демократическая печать заявляет, что не может быть и речи о возможности вступления в состав правительства независимых социалистов без одновременного вступления и представителей германской народной партии.

**КАК «ДЕМОКРАТЫ» ОХРАНЯЮТ РЕСПУБЛИКУ.**

ГАННОВЕР, 14 июля. (Радио герм. прессы). *Юридическая комиссия* рейхстага приняла в пятницу во втором чтении законопроект об обязанностях чиновников по защите республики. При этом постановлено просить правительство следить за тем, чтобы на правительственной службе не велось **никакой политической пропаганды. (РОСТА).**

**Репрессии против коммунистов во имя... республики.**

БЕРЛИН, 14 июля. (Роста). По сообщению «Роте Фане», запрещен выход в свет коммунистических органов «Нейе Цейтунг» в Мюнхене и «Байрише Арбейтерцейтунг» в Аугсбурге за нападки на баварского премьера-министра Лерхенфельда.

**НОСКЕ ПРОТИВ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ.**

БЕРЛИН, 10 июля. На основании распоряжения президента Эберта, губернатор Ганновера пресловутый Носке воспретил на три недели реакционную газету «Геттингер Тагеблат». Этот факт является единственным и первым выступлением Носке против реакции. (РОСТА).

**Кризис в Брауншвейге.**

БЕРЛИН, 14 июля. (Роста). По газетным сообщениям, в Брауншвейге возник правительственный кризис. В результате внесенного независимыми предложения о выражении недоверия добровольно ушел в отставку министр Кефер, член народной партии, состоявший некогда в организации «Стальной Шлем».

## Правительство просит о мораториуме до 1925 г. Вирт надеется на „справедливость" победителей.

**ПАДЕНИЕ МАРКИ.**

ЛИФИЛЬД, 14 июля. (Радио британск. прессы). По преобладающему в настоящее время в компетентных кругах мнению, главной причиной катастрофического падения курса германской марки было чудовищное увеличение бумажно-денежного обращения в целях покупки необходимой иностранной валюты для июльского репарационного платежа и стремительный отлив германских капиталов за границу. (РОСТА).

ХРИСТИАНИЯ, 14 июля. (Роста). Падение курса германской марки губительно влияет на датскую промышленность. Экспорт из Дании в Германию за последнюю неделю совершенно прекратился. Финансовое положение в Дании близко к катастрофе.

**ПРОСЬБА О МОРАТОРИУМЕ.**

ГАННОВЕР, 13 июля. (Радио герман. пр. аг.). Председатель германской комиссии по военным долгам передал в среду репарационной комиссии в Париже ноту германского правительства о предоставлении моратория в виду *невозможности произвести оплату деньгами при настоящем положении дел.* Ссылаясь на 230 статью версальского договора, германское правительство предлагает отсрочить выплату причитающихся с него еще в 1922 г. платежей. Дальше в ноте подчеркивается, что восстановление социального и финансового равновесия Германии возможно только, если репарационная комиссия окажет ей поддержку. *Германское правительство не сомневается, что для восстановления курса марки необходимо предоставление моратория не только на платежи 1922 г., но и на платежи наличными до 1924 г. включительно.* В заключение, нота обращается к репарационной комиссии с просьбой по возможности ускорить решение. (РОСТА).

**ЛИОН, 13 июля. (Радио фр. прессы). В полученной репарационной комиссией официальной просьбе о моратории, германское правительство просит об отсрочке всех платежей, назначенных на 1922 г., в том числе и платежей 15 июля, а также об освобождении Германии и в 1923 и 1924 г.г. от платежей наличными и об изменении других репарационных условий, налагаемых на нее версальским договором (РОСТА).**

**ЗАЯВЛЕНИЕ ЛЛОЙД-ДЖОРДЖА.**

ЛИФИЛЬД, 14 июля. (Радио британск. прессы). Отвечая в палате общин на вопросы, связанные с финансовым кризисом в Германии, Ллойд-Джордж заявил, что он ничего не имеет сообщить об отношении британского правительства к этому вопросу, за исключением того, что Англия считает настоятельно необходимым предоставить Германии такую отсрочку, которая дала бы ей возможность упорядочить свои финансы и возобновить соответствующие ее силам платежи в возможно близком будущем. (РОСТА).

**ВИРТ УГОВАРИВАЕТ АМЕРИКАНЦЕВ.**

ГАННОВЕР, 14 июля. (Радио герман. прессы). В пятницу утром рейхсканцлером Виртом была принята американская студенческая экскурсия из 50 человек. В беседе с ними рейхсканцлер остановился, главным образом, на репарационной проблеме и указал, что он рад отметить постепенное изменение отношения к этой проблеме со стороны Англии и Америки. **Даже во Франции все больше и больше начинают понимать, что проблема эта не только германская, но общеевропейская и даже мировая. Экономические вопросы не могут быть разрешаемы никакими ультиматумами, опирающимися на силу оружия. На прощание рейхсканцлер сказал американцам несколько слов о том, что побежденный народ все же имеет право на справедливость, что нельзя требовать от народа более, чем он может дать. Америка пережила освобождение от рабства, и вот теперь, когда на плечи одного из европейских народов налагается непосильное бремя, то это не что иное, как начало нового народного рабства. (РОСТА).**

**ОТВЕТ РЕПАРАЦИОННОЙ КОМИССИИ.**

**ГАННОВЕР, 14 июля. (Радио герм. пр. аг.). Репарационная комиссия передала в четверг председателю германской комиссии по военным долгам в Париже ответ на ноту с просьбой о предоставлении Германии моратория. Репарационная комиссия настаивает на июльском платеже. Комиссия указ[illegible], что прочного улучшения Германия может добиться лишь путем финансовых реформ, которых давно уже требовала репарационная комиссия. Окончательное решение будет зависеть от доклада комиссии гарантий. (РОСТА).**

# ЗА ДЕНЬ.

## ФРАНЦИЯ.

**Демонстрация в память Великой революции.**

**БОРДО, 14 июля. (Радио франц. прессы). День национального праздника 14 июля в Париже привлек на лоншанский ипподром бесчисленные толпы народа. При возвращении официального кортежа, на углу авеню Марины и Елисейских полей стоявший в толпе молодой человек произвел два выстрела в автомобиль префекта полиции, ехавший впереди экипажа Мильерана. Схваченный тут же преступник оказался известным полиции анархистом Буве (он же Жювени). Буве заявил, что он не хотел никого убить и стрелял только с целью обратить внимание на положение пролетариата. При обыске у него найден второй револьвер и 25 пуль. (РОСТА).**

**Требование амнистии.**

**ВАРШАВА, 12 июля. По сообщению из Парижа, целый ряд видных деятелей, принадлежащих к различным партиям, подали правительству петицию, в которой просят во имя справедливости и гуманности о распространении амнистии на моряков, принимавших участие в мятеже на Черном море. (РОСТА).**

## АНГЛИЯ.

**Размеры долгов.**

ЛИФИЛЬД, 15 июля. (Радио брит. прессы). Во время обсуждения бюджета в палате общин, канцлер казначейства сэр Роберт Хорн сделал краткий доклад о финансовом положении. Он сообщил, что правительство твердо намерено провести дальнейшие сокращения расходов. С этой целью учреждены две комиссии: одна комиссия под его председательством для гражданского ведомства и другая для военного ведомства, под председательством Черчилля. На вопрос Асквита, как велика сумма долга Америке, Хорн ответил, что по нынешнему курсу долг исчисляется приблизительно в 938 миллионов фунтов стерлингов. Что касается внутреннего долга, составлявшего на 1-е апреля 1922 г. 155 миллионов фунтов, то он, путем конверсий, теперь сокращен до 44 миллионов фунтов. Коснувшись вопроса о падении курса германской валюты, Хорн заявил, что это обстоятельство внушает сильную тревогу, и необходимо чтобы этот вопрос был урегулирован совместно с союзниками как можно скорее. (РОСТА).

## СОЕД. ШТАТЫ.

**Дефицит в 425 милл. доллар.**

НАУЭН, 15 июля. (Радио герм. прессы). Американское правительство ожидает дефицита в 425 миллионов долларов по бюджету текущего года. (РОСТА).

**Войска против бастующих.**

ГАННОВЕР, 14 июля. (Радио герм. прессы). Американским военным министром издан приказ, согласно которому в Техасе, в связи с железнодорожной забастовкой, концентрируются милиционные войска для поддержания порядка. (РОСТА).

## ИРЛАНДИЯ.

**Империалисты хвалят своих помощников.**

ЛИФИЛЬД, 14 июля. (Радио англ. прессы). При обсуждении во вчерашнем заседании палаты лордов положения в Ирландии, лорд-канцлер указал, как на лучшее доказательство верности договора со стороны членов временного правительства, на их сопряженную с огромным риском борьбу с людьми, которые всего лишь 8 месяцев тому назад были их товарищами по оружию. (РОСТА).

## ДАНИЯ.

**Тяжелое положение безработных.**

КОПЕНГАГЕН, 13 июля. (Роста). Распоряжением министра внутренних дел 17.000 безработных лишены государственных пособий. Назревают крупные рабочие волнения.

## ЕГИПЕТ.

**Смерть вождя националистов.**

НАУЭН, 15 июля. (Радио герм. прессы). Из Каира сообщают о смерти известного лидера египетских националистов Заглул-паши, интернированного на о. Цейлоне. (РОСТА).

Заглул-паша вел упорную борьбу со ставленником английского империализма в Египте Адли-пашой. Во время провала последних лондонских англо-египетских переговоров, в Египте поднялась волна национального движения за правительство Заглула. В его честь устраивались шумные демонстрации, в которых принимали видную роль учащиеся и преподавательский персонал в Каире. Дело дошло до метания бомб в толпу с английских военных аэропланов и массовых репрессий. Тогда же и последовала высылка Заглула с семьей. После этого правительственная власть перешла к другому английскому агенту, Сарват-паше.

Тот факт, что Заглул скончался в изгнании, красноречиво говорит о характере «независимости», недавно дарованной Египту.

## ИНДИЯ.

**Забастовочное движение.**

ТАШКЕНТ, 5 июля. (Роста). В Бомбее (Индия) бастует свыше двух тысяч текстильщиков. Бастующие требуют увеличения заработной платы.

**Бои с повстанцами.**

ТАШКЕНТ, 5 июля. (Роста). В бою, происшедшем в Малабаре (Индия) между покинувшими свое убежище повстанцами и осаждавшими их правительственными войсками, погибло более 67 повстанцев.

## МАЛАЯ АЗИЯ.

**Движение арабов против Англии.**

НАУЭН, 15 июля. (Радио герм. прессы). Арабы Сирии и Палестины организовали ряд манифестаций протеста против мандата Англии над Палестиной. По слухам, в Палестине об'явлена всеобщая забастовка. (РОСТА).

## ПОЛЬША.

**НИКАК НЕ МОГУТ СОСТАВИТЬ КАБИНЕТА.**

**ВАРШАВА, 12 июля. (Роста). В «Речи Посполитой» напечатано следующее письмо председателя сейма, посланное после вчерашнего заседания главной комиссии начальнику государства: «Имею честь сообщить вам, что письмо ваше от 7 июля было предметом обсуждения в сегодняшнем заседании главной комиссии. Комиссия постановила: председатель сейма сообщит начальнику государства, что если он не воспользуется правом инициативы, то главная комиссия приступит к назначению премьера. За эту резолюцию подали голоса делегаты, представляющие 216 депутатов; делегаты же, представляющие 209 депутатов, от голосования воздержались.**

**Пилсудский грозит отставкой.**

БОРДО, 15 июля. (Радио фр. прессы). **В виду отказа Пилсудского наметить главу нового кабинета, специальная комиссия сейма указала на Корфанти. Пилсудский, считая эту кандидатуру несвоевременной, заявил о своем намерении подать в отставку.** (РОСТА).

**Взрыв порохового склада.**

ВАРШАВА, 12 июля. (Роста). **Газеты сообщают о взрыве порохового склада в Ржешове вчера вечером. В складе находились запасы снарядов к тяжелым орудиям. Всякие попытки к спасению склада оказались безуспешными. Разлетающиеся от взрывов осколки тяжелых снарядов вызывают в городе панику. Пока нельзя установить ни размеров, ни причин катастрофы. Точно также неизвестно количество жертв. Деревня Повична, расположенная вблизи места катастрофы, совершенно уничтожена взрывами снарядов и пожаром. Военные власти начали следствие, которое пока не дало никаких результатов. Предполагается, что взрыв произошел вследствие неосторожности. Однако же не исключена возможность злоумышления.**

## РАЗНЫЕ.

**Перекраивание карты Европы.**

ГАННОВЕР, 14 июля. (Радио герм. прессы). **Конференция послов установила в четверг окончательную границу между Албанией и Юго-Славией, при чем Черногория отходит к Юго-Славии. (РОСТА).**

**Расправа «демократического» суда с коммунистом.**

**ВАРШАВА, 12 июля. (Роста). Газеты сообщают о процессе Оскара Шульца. Он был арестован на улице с двумя тысячами экземпляров прокламаций центрального комитета коммунистической партии Польши. На пути в дефензиву Шульц, якобы, предлагал шпику Ленчевскому взятку в 50.000 марок за освобождение. За эту, якобы, попытку дать взятку вчера Шульца и судили (дело о принадлежности его к коммунистической партии выделено). Обвиняемый решительно отрицает факт предложения взятки, как вымышленный шпиком. Но суд, конечно, поверил шпику и его начальнику, и в результате Шульц, на основании одних только показаний шпиков, приговаривается к четырем годам каторги.**

**Успехи борьбы с эпидемиями.**

**БОРДО, 14 июля. (Радио фр. прессы). Трема французскими врачами найден новый более действительный метод предохранительных прививок против тифа, холеры и дизентерии. Ими был произведен ряд опытов введения вакцины через рот взамен обычного подкожного впрыскивания. Результаты получились блестящие: а именно, в округе Па-де-Кале, неблагополучном по тифу, из 654 жителей, не получивших прививок, заболело 50 человек, в то время, как из 1236 человек, подвергшихся прививке по новому способу, заболело 2. (РОСТА).**

# СУД НАД ЭСЕРАМИ.

## Тридцать второй день суда.

### Утреннее заседание 15-го июля.

**ПЕРВОЕ ПОКУШЕНИЕ НА ТОВ. ЛЕНИНА.**

Об'яснения по поводу первого покушения на тов. Ленина дает подсудимый Тимофеев. Он говорит, что приблизительно в начале марта 1918 г. в Москву приезжал из Петрограда уполномоченный ЦК ПСР Рабинович. Рабинович сообщил, что находящееся в Петрограде лицо предложило Гоцу организовать террористический акт. Гоц просил поставить этот вопрос на разрешение ЦК партии. Тимофеев утверждает, что вопрос этот был разрешен бюро ЦК, а в пленум даже не вносился. Бюро ЦК категорически высказалось против предложения.

В конце марта Тимофеев встретил на Новинском бульваре, около своей квартиры, подсудимого Ефимова и привел его к себе на квартиру. Ефимов рассказал Тимофееву, что он приехал в Москву вместе с Коноплевой для организации террористического акта против тов. Ленина. Но организация эта не удалась, и Ефимов решил от этого дела отказаться. Тимофеев, будто бы, имел с Ефимовым по этому поводу продолжительный разговор. Он выразил удивление, как это Ефимов, старый, опытный партийный работник, «втянулся» в эту историю, зная, что ЦК партии отрицательно относится к террористическим актам. Ефимов ответил, что и сам он был против этого акта, но принял участие в его подготовке по уговору с Коноплевой. Тимофеев просил Ефимова привести к нему Коноплеву. Коноплева пришла к нему на квартиру вместе с Ефимовым, где Тимофеев имел с ней продолжительный разговор. Он выяснил Коноплевой позицию ЦК и указал, что террористические акты политически целесообразны только тогда, когда в наличности имеется определенное настроение масс. Между тем, такого настроения в тот момент не было.

Коноплева, по словам Тимофеева, с его доводами согласилась. Тимофеев дал Коноплевой и Ефимову денег на выезд в Петроград. После этого ни Коноплевой, ни Ефимова он не видал.

Никаких карательных мер против Ефимова и Коноплевой за самовольную организацию террористического акта вопреки постановлению ЦК Тимофеев не принял. По его словам, он не решился занести карающий меч над людьми, может быть и заблуждавшимися, но рисковавшими своей жизнью. Он считал совершенно достаточным отказ их от совершения акта.

Тимофеев категорически отрицает не только участие во всей этой истории члена ЦК Рихтера, но даже и самую возможность этого участия. Рихтер вообще считался неспособным на такие выступления, и подобных поручений ЦК никогда ему не давал и давать не мог. Если бы ЦК нашел нужным организовать террористический акт, то он поручил бы это дело ему, Тимофееву, как ведавшему военной работой, но ни в коем случае не Рихтеру. Ни Ефимов, ни Коноплева ничего не говорили Тимофееву об участии в этом деле Рихтера.

Государственный обвинитель тов. Крыленко спрашивает Тимофеева, принял ли ЦК партии какие-нибудь меры к воспрепятствованию организации террористического акта, когда со слов Рабиновича узнал о намерении Коноплевой? Вынес ли ЦК категорическое запрещение акта, или же ограничился только выражением своего мнения?

Тимофеев отвечает, что самый факт отказа от санкции террористического акта равносилен запрещению.

Тов. Крыленко уточняет этот неопределенный ответ Тимофеева, заявив, что по данному вопросу ЦК партии мог занять две позиции: категорически запретить совершение террористического акта и сделать предупреждение, что если акт тем не менее будет совершен, то против нарушителей постановления ЦК будут приняты определенные репрессивные меры, или же ЦК мог высказать только свое мнение, что он не считает целесообразным совершение данного террористического акта. И только. «Какую же из этих двух позиций занял тогда ЦК?»—спрашивает тов. Крыленко.

Тимофеев отвечает, что ЦК стоял на второй позиции. Другого решения при существовавшей тогда политической обстановке ЦК принять не мог.

— Значит,—говорит тов. Крыленко,—я могу формулировать тогдашнюю позицию ЦК так: в обстановке, существовавшей в то время, ЦК партии считал ненужным принимать предупредительные репрессивные меры против тех членов партии, которые, вопреки решению ЦК, совершили бы террористический акт?

Тимофеев отвечает, что это не вполне так. [illegible] по данному конкретному случаю, который ЦК рассматривал так, как это формулирует государственный обвинитель.

Допрашивается подсудимый Ефимов, который говорит, что в 1918 г., приблизительно за неделю до великого поста, он встретился в Петербурге, в партийной квартире на Литейном, с уполномоченным ЦК Рабиновичем. Рабинович предложил Ефимову вступить в боевую группу для организации террористических актов. Вскоре после этого Ефимов вторично встретился с Рабиновичем. На этот раз Рабинович предложил ему поехать в Москву для совершения террористического акта, но какого именно, не сказал, а об'яснил только, что все подробные инструкции Ефимов получит в Москве от члена ЦК партии Рихтера.

В это же время Ефимов виделся с членом ЦК Гоцем. Из разговора с Гоцем Ефимов вывел заключение, что Гоцу известна цель его поездки в Москву. Этот факт Ефимов подтвердил категорически.

В период между первым и вторым разговором с Ефимовым Рабинович ездил в Москву. По возвращении оттуда, Рабинович сказал Ефимову, что ЦК партии дал свою санкцию на совершение террористических актов против Ленина и Троцкого. После этого Ефимов согласился принять участие в организации террористического акта и вместе с Коноплевой приехал в Москву.

В дальнейшей части своего показания Ефимов повторяет вчерашнее показание Коноплевой о том, как они приехали в Москву, как встретились с членом ЦК Рихтером и как последний поместил их на квартире в Большом Успенском переулке.

В Петрограде Рабинович сказал Ефимову и Коноплевой, что в Москве все готово для совершения террористического акта. Но когда они приехали в Москву, то убедились, что в Москве не готово ничего. Они ежедневно виделись с Рихтером и совещались с ним по поводу организации покушения. Существенной помощи Рихтер им не оказывал. Поэтому они сами принялись за организацию дела и устроили слежку за т.т. Лениным и Троцким. Но никакого толку из этого не вышло. В конце-концов они пришли к заключению, что дело не выгорело, и решили с ним покончить.

Ефимов охладел к этому делу еще и потому, что Рихтер, через несколько дней после его приезда в Москву, заявил Ефимову, что партия может не признать этого акта своим. Раньше Рихтер говорил другое, а именно,—что террористический акт организуется от имени партии.

— Для меня, как члена партии с 1904 г.—говорит Ефимов,—такая двойственная позиция была неприемлема. Я привык во всех выступлениях действовать от имени партии.

Через две недели после приезда в Москву, Ефимов встретился с Тимофеевым и сказал ему, что дело, для которого он приехал, не выгорело. Разговор с Тимофеевым был очень короткий. Из этого разговора Ефимов вынес впечатление, что Тимофееву было известно, зачем он и Коноплева приехали в Москву. Тимофеев дал ему денег, и он вместе с Коноплевой и женой Рихтера уехали в Петроград.

Председатель Трибунала спрашивает Ефимова.—[illegible] характеризуют Тимофеев и другие подсудимые члена ЦК Рихтера, как неспособного для террористических актов человека, «шляпу».

— Я совершенно согласен,—отвечает Ефимов,—что Рихтер действительно «шляпа». Но не моя вина, что ЦК выбрал «шляпу» для такого ответственного дела.

— Вы утверждаете,—спрашивает тов. Крыленко,—что вы виделись в Москве с членом ЦК Рихтером, и что Рихтер принимал активное участие в организации террористического акта против тов. Ленина?

— Категорически утверждаю,—отвечает Ефимов. Я и Коноплева виделись с Рихтером каждый день и даже вместе обедали.

— Значит, утверждение подсудимых Тимофеева, Гоца и других, что все показания относительно участия Рихтера в этом деле являются «Похождениями Рокамболя», не верно? «Похождениями Рокамболя», впрочем, являются утверждения Тимофеева и Гоца, категорически отрицающие факт участия в этом деле Рихтера?

— Да, я это категорически утверждаю,—отвечает Ефимов.—«Похождения Рокамболя»—в показаниях Тимофеева и Гоца.

Подсудимый Гендельман, как и накануне после допроса Коноплевой, пытается дискредитировать показания Ефимова. Он задает ему целый ряд вопросов, старается поймать его на противоречиях. Но Ефимов ясно и определенно отвечает на вопросы Гендельмана и полностью подтверждает свое показание.

Допросом Ефимова заканчивается утреннее заседание.

### Вечернее заседание 15-го июля.

**ДОПРОС БУРЕВОГО И РАКИТНИКОВА.**

Вечернее заседание было посвящено, главным образом, допросу свидетелей Ракитникова и Буревого (быв. ч. ЦК ПСР), относительно февральского заседания ЦК, на котором обсуждался вопрос о терроре.

Буревой говорит, что вопрос о терроре не вызвал в Центральном Комитете особенных прений, так как с самого начала обсуждения выяснилось, что принципиально считать неприемлемым в данный момент террористическую борьбу с Советской властью. Сунгин вносил поправку к резолюции, которая сводилась к тому, чтобы партия раз навсегда отказалась от террора, исключила его из числа применяемых ею средств борьбы. Сунгин говорил, что террор мог применяться только до революции. Чернов возражал Сунгину и утверждал, какие методы борьбы будут возможны после этой поправки против тех или иных комиссаров или других властителей. Принятая поправка не отрицала применение террора к тем или иным деятелям Советской власти.

Тов. Пятаков спрашивает свидетеля:

— Если Чернов ставил вопрос, можно ли будет бороться с зарвавшимися комиссарами, не значит ли это, что его резолюция давала в таких случаях выход?

Буревой отвечает, что он привел только отрывок из прений, когда высказывались разные суждения. Резолюция же, принятая ЦК, по своему содержанию не вызывала сомнений. Поправка Сунгина отвергала террор окончательно, а резолюция ЦК не отвергала террор в принципе. Иначе ЦК не мог бы впоследствии обсуждать вопроса о террористическом покушении на Колчака.

Тов. Крыленко спрашивает свидетеля, какими соображениями руководился ЦК, принимая свою резолюцию, отвергавшую террор: исходил ли он из мысли, что террор, по условиям момента и обстановки, вообще неприменим к деятелям Советской власти, или же он неприменим потому, что намечаются другие приемы вооруженной борьбы, при наличности которых террор должен быть отвергнут?

Свидетель заявляет, что ближе всего к истине будет вторая мотивировка. В то время уже назревали в партии течения за вооруженную борьбу с Советской властью, и террор, как метод борьбы, казался ЦК ненужным и излишним.

Оглашается показание Буревого, которое он дал на предварительном следствии.

Тогда Буревой показал следующее: «Вопрос о терроре, насколько помню, был поднят в связи с деятельностью советского комиссара по военным делам Антонова на Украине. В связи с поднятым вопросом о терроре, был внесен вопрос о применении террора по отношению к Антонову. Не помню, кем именно было внесено это предложение. В своей речи по этому вопросу Виктор Чернов, возражая безусловному противнику террора Сунгину, между прочим, указал, что при разыгравшейся в то время гражданской войне возможно такое положение, при котором убийство какого-нибудь зарвавшегося советского комиссара, вызвавшего своими действиями возмущение масс, могло бы революционизировать народные массы. Чернов внес в ЦК резолюцию, которая была так расплывчато средактирована, что Сунгин усмотрел в этой резолюции возможность истолкования ее партийными организациями в смысле признания террора. Сунгин внес в резолюцию поправку о безусловной недопустимости террора во время революции, так как такая тактика откинула бы массы от партии. Поправка Сунгина была отвергнута, после чего сам Сунгин вышел из состава ЦК».

Такая редакция сделанного им раньше показания, очень не нравится Буревому, и он делает целый ряд поправок по существу. Так, характеристику резолюции Чернова, что она была средактирована «расплывчато», Буревой теперь относит к себе, а не к Сунгину. Точно также теперь Буревой утверждает, что поправка Сунгина была мотивирована не тем, что террор недопустим во время революции, а тем, что он недопустим вообще после раз уже совершившейся революции.

Относительно выхода Сунгина из Ц. К., Буревой подтверждает, что он сам читал в Москве написанное Сунгиным заявление в ЦК о своем выходе из партии, мотивированное именно расхождением по вопросу о терроре. Подал ли Сунгин это заявление, Буревой не знает.

Тов. Пятаков спрашивает свидетеля о характере работы бюро ЦК.

По словам Буревого, бюро было по существу техническим секретариатом для подготовки вопросов к их рассмотрению в пленуме. Вопрос о допустимости индивидуального террора не мог разрешаться бюро самостоятельно.

— А известно ли было вам о террористической деятельности Коноплевой и Семенова?—спрашивает тов. Крыленко.—Знали ли об этой деятельности другие члены ЦК, а если знали, то могли ли они об этом вам не сказать?

Свидетель заявляет, что сам он о деятельности Коноплевой и Семенова ничего не знал и не допускает даже мысли, чтобы другие члены ЦК, зная об этом, не сообщили ему.

Оглашается вторая выдержка из показаний Буревого на предварительном следствии.

«Вполне допускаю,—говорил тогда Буревой,—что многое из деятельности ЦК для меня оставалось совершенно неизвестным, так как в ЦК было большинство, сплоченное персональными связями, распоряжавшееся за спиной остальных членов ЦК и иногда даже наглядно конспирировавшее от членов ЦК, находившихся вне этой сплоченной группы. Душою этого основного ядра ЦК были Гоц и Зензинов и находившийся вне ЦК Авксентьев. Иногда эта группа, по некоторым вопросам, противостояла Чернову»

Буревой решительно отрицает правильность этого показания. По его словам, оно было записано совершенно неправильно и относилось не к ЦК, а к Союзу Возрождения.

— Но вы подписали его?—спрашивает тов. Пятаков.

— А почему же мне было его не подписать, когда это абсурд?—заявляет свидетель при общем смехе, после чего он пускается в длинные рассуждения относительно различных течений партии,—[illegible], возрожденцев, группы «Народ», которые конспирировали друг от друга. Больше всех конспирировали возрожденцы. Что же касается того, кто руководил работой ЦК, то теперь свидетель утверждает, что в нем преобладали черновцы.

Тов. Крыленко еще раз спрашивает свидетеля,—может ли он, только-что подтвердив существование в партии групп, которые конспирировали друг от друга, не допускать мысли о том, что были такие члены ЦК, которые, зная о боевой деятельности Семенова и Коноплевой, не довели о том до сведения других членов ЦК?

Буревой решительно заявляет, что он такой мысли не допускал.

Отвечая на дальнейшие вопросы, Буревой показывает:

— В августе или сентябре 1918 г., когда ЦК был в Самаре, мы узнали о покушении на Ленина. Вопрос обсуждался в ЦК, но в порядке информации. Решения никакого не было вынесено. Позже, когда приехал в Самару Зензинов, я спрашивал его, не было ли это покушение организовано эсерами, но он мне сказал, что вопрос о терроре был решен в Москве отрицательно.

Тов. Крыленко делает вывод:

— Значит, ЦК принял сообщение о покушении на тов. Ленина к сведению и никакого решения не вынес?

Тов. Крыленко ставит Буревому последний вопрос:

— Не помните ли вы, что в самарских газетах, после покушения на тов. Ленина, были статьи, которые выражали удовлетворение по поводу того, что наступил, наконец, долгожданный момент народной мести?

Оказывается, что такая статья была, и ее как раз написал, за своею подписью, Буревой. Со стороны ЦК эта статья не вызвала никаких возражений и была принята так же молчаливо к сведению, как самый факт покушения на тов. Ленина.

Свидетель Ракитников, вопреки утверждениям Буревого, говорит, что вопрос о терроре вызвал в заседании ЦК большие прения.

Разногласия касались того, как именно мотивировать решение ЦК по вопросу о терроре. Одни считали нужным указать, что террор недопустим по отношению к представителям социалистической власти. Другие предлагали указать, что ПСР, вообще допуская террор в подготовительный к революции период, не может его допустить в момент, когда массы выступили на историческую сцену и начали действовать сами.

Эти обе мотивировки вызывали возражения, что же касается окончательного решения ЦК по вопросу о терроре, то оно было принято почти единогласно. Свидетель припоминает, что, в виду разногласий, мотивировка была отброшена и самое постановление было очень кратким и выражало только мысль, что ЦК считает в настоящий момент террор недопустимым.

Отвечая на вопросы тов. Крыленко, свидетель говорит, что Чернов террора против деятелей Советской власти не отрицал, но считал его в настоящий момент недопустимым.

Сам Ракитников ничего не знал о террористической деятельности Семенова и Коноплевой, и на вопрос государственного обвинителя, знали ли об этой деятельности другие члены ЦК, он высказывает убеждение, что не знали и они.

— Мне трудно допустить такую мысль,—говорит он.—Если бы знали, они были бы обязаны сообщить, в противном случае это было бы нарушением прав организации, недопустимое и в политическом отношении.

Отвечая Лихачу, свидетель заявляет, что, насколько он знает, ЦК не менял своей точки зрения по вопросу о терроре. При свидании с Гоцем, который только-что приехал из Москвы, он спрашивал его о позиции партии, Гоц сказал, что позиция осталась прежняя. Об убийстве Володарского Гоц ему говорил, что это, очевидно, действие какого-либо партизана.

Обвиняемый Дашевский спрашивает свидетеля, говорил ли ему Гоц о посылке Рабиновича в Москву, чтобы осведомиться у ЦК, по запросу Коноплевой, об отношении к индивидуальному террору.

Оказывается, что, несмотря на то, что Ракитников был членом бюро ЦК, Гоц ничего об этом поручении Ракитникову не сказал.

Во время допроса свидетелей Буревого и Ракитникова, обвиняемые первой группы несколько раз делали попытки вернуться к исторической части процесса и допросить этих свидетелей по поводу деятельности Семенова, когда он находился уже в составе группы «Народ». Все эти попытки решительно пресекались тов. Пятаковым, который указал, что историческая часть процесса закончена, и речь идет только о террористической деятельности ПСР в 1918 г. В конце концов обвиняемый Гендельман в связи с этим был лишен слова.

Допрос свидетелей закончен, и по ходатайству тов. Крыленко Трибунал оглашает выдержки из статьи террориста Тисленко, напечатанной в берлинской эсеровской газете «Голос России».

Тисленко рассказывает, что он одновременно с Семеновым и Коноплевой задумал произвести взрыв поезда, в котором уезжали члены Совнаркома. Он был тогда начальником штаба одной дивизии Красной армии, имел в своем распоряжении большой запас пироксилина и другие технические возможности. Но об этом проекте кто-то сообщил ЦК, и последний решительно запретил организацию покушения.

Обвиняемые первой группы решительно отрицают правильность этой статьи. Иванов и Гоц заявляют, что никакого предложения этого рода в ЦК не поступало.

Тов. Крыленко, со слов обеих групп обвиняемых, констатирует, что помещенное в заграничной эсеровской газете «Голос России» показание Тисленко не соответствует действительности.

После формальных заявлений сторон, заседание было прервано до понедельника.

# Из Петрограда.

*(По телефону от нашего корреспондента).*

**ПРОЦЕСС ЧЛЕНОВ ЭСТОНСКОЙ МИССИИ.**

20 июля в Ревтрибунале начинается процесс членов эстонской миссии в Петрограде, обвиняемых в шпионаже, спекуляции, провозе в дипломатической почте контрабанды и проч. К ответственности привлекается 51 чел.

**200-й ПАРОХОД.**

Сегодня в порт пришел из Бергена норвежский пароход «Хавила», являющийся 200 по счету пароходом, прибывшим за эту навигацию в Петроград из-за границы.

**ПОМОЩЬ БЕЗРАБОТНЫМ.**

Совет Труда и Обороны утвердил ассигновку в три триллиона рублей на организацию общественных работ для безработных Петрограда. Для начала работ отпущено 700 миллиардов рублей.

**ПРОТ. ВВЕДЕНСКИЙ — СИБИРСКИЙ МИТРОПОЛИТ.**

Протоиерей Введенский избран сибирским духовенством митрополитом сибирским, с пребыванием в Томске.

**ПОЧТОВЫЕ СНОШЕНИЯ С ФИНЛЯНДИЕЙ.—**

С 8 июля установлен непосредственный обмен почтой между РСФСР и Финляндией. Пунктами обмена намечены Белоостров и Раевка.

**300 ВАГОНОВ ЭКСПОРТНОГО СЫРЬЯ**

За последние дни в Петроград из разных мест Республики пришло свыше 300 вагонов экспортного сырья, состоящего из льна, пеньки, конского волоса и проч.

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ ФИРМ.**

Германия предлагает свои услуги по установлению в Петрограде автомобильного движения и легкого пароходства. Ведутся переговоры с немецкой фирмой о постройке и ремонте домов. Ожидается комиссия германских фирм для обследования нашего водоснабжения. В виде гарантии, немецкие общества желают получить лесные участки в Олонецкой губ. и железнорудные болота.

**«3—5 ИЮЛЯ 17 ГОДА».**

Отделом печати при северо-западном бюро ЦК партии выпущена книга под заглавием «Третье—пятое июля 1917 г.». Книга составлена по неизвестным доселе материалам судебного следствия и архива губкома.

# В Совнаркоме.

**ЦЕНЫ НА ДРЕВЕСИНУ.**

**По докладу ВСНХ Совнарком принял постановление о ценах на древесину.**

**Согласно этого постановления, корневая цена на древесину устанавливается народным комиссариатом земледелия по таксам 1914 года, существовавшим в бывших казенных дачах, выраженным в дензнаках 1922 г. и увеличенным в 100 раз.** По корневой цене на древесину лес отпускается исключительно трудовому населению по установленным топливным и строительным нормам, согласно основного закона о лесах.

Все государственные учреждения предприятия, приобретающие древесину на корню, оплачивают ее по твердым ценам, которые устанавливаются вдвое выше корневых.

Все прочие потребители приобретают древесину с публичных торгов.

**СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ.**

Совнарком постановил изменить декрет от 14 мая 1921 г. в том смысле, что конфискуемые по суду и в административном порядке предметы питания первой необходимости и сельского хозяйства подлежат зачислению в натуральный фонд социального обеспечения. В этот же фонд должны передаваться указанные предметы, входящие в состав бесхозяйственного имущества. Предметы, неоплаченные акцизом, передаются наркомсобесу по уплате им акциза по ставкам, действующим в момент передачи. Действие настоящего постановления не распространяется на случаи взыскания продналога в административном и судебном порядке.

**ПРОПУСК ПАРОВОЗОВ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ.**

Совнарком постановил допустить беспошлинный пропуск паровозов, которые прибыли или прибудут из за границы для наркомпути до 1 октября 1922 г.

# Подготовка к Нижегородской ярмарке.

*(Беседа с тов. С. В. Малышевым).*

Прибывший для доклада комиссии СТО председатель технического ярмарочного комитета т. С. В. Малышев, в беседе сообщил следующие данные о положении ярмарки:

— Работы по восстановлению ярмарки почти закончены. Окончен ремонт главного дома, в котором сейчас идут спешные работы с'емщиков по приведению в порядок торговых помещений, установке полок, шкафов и пр. обстановки. Корпуса Гостиного двора также скоро выйдут из ремонта—в этих числах июля. Малый ремонт по приведению в порядок корпусов-своб на главной площади также продлится только несколько дней. Таким образом, строительные работы уже идут на свертывание, и к концу июля ярмарка примет вполне торговый вид.

На ярмарке уже началась лихорадочная оперативная деятельность торговых фирм и лиц. Идет спешный подвоз товаров и насыщение складов. Уже прибыли купцы с обойными товарами, частные и государственные бумажные фирмы и др. За последние недели отмечается перелом среди частного купечества. К нам поступают усиленные требования на торговые помещения от частных торговцев и солидных фирм. Так, за последние 2 дня из 40 контрактов, заключенных на сдачу помещений, половина принадлежит частным купцам. Главный дом уже сдан полностью, а торговые корпуса площади—на 50 проц.

Нами приняты меры к предоставлению прибывшим на ярмарку купцам жилых помещений. Торгующие на ярмарке обеспечены жильем по месту своей торговли: здесь отремонтировано жилых помещений на 5.000 чел. Обеспечиваются жильем также кооперация и госорганы. Нами подыскиваются квартиры и в Кунавине и в самом городе, где местные власти идут мне в этом отношении навстречу. Таким образом, мы полагаем, что к моменту открытия ярмарки будет улажен жилищный вопрос.

Возрождение ярмарки нашло живой отклик в старых ярмарочных работниках. Мною получен ряд писем от бывшего председателя ярмарочного комитета А. С. Салазкина, из'явившего готовность приступить к работе по ярмарке.

В заключение С. В. Малышев коснулся также вопроса об установлении воздушного сообщения между Москвой и Н.-Новгородом.

— Воздушная связь с ярмаркой крайне важна и целесообразна. При установлении воздушного сообщения создастся тесный контакт между торговой жизнью ярмарки и Москвы.

# ХРОНИКА.

**ОСОБОУПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ УРОЖАЯ.**

В целях согласования деятельности различных государственных учреждений, организаций и предприятий, ведущих хлебные заготовки на территории республики, а также для урегулирования всех общих вопросов, связанных с успехом реализации урожая, Совет Труда и Обороны постановил учредить должность особоуполномоченного СТО по реализации урожая кампании 22—23 гг.

Особоуполномоченным назначен т. Шейкман. Заместителем его—тов. Лепина.

**К ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ С.-Х. ВЫСТАВКИ.**

В наркомземе состоялось заседание инициативной группы виднейших архитекторов Москвы по вопросу об организации всероссийской с.-х. выставки.

Собрание постановило произвести обследование ряда мест в окрестностях Москвы, в частности на Ходынском поле, в Петровско-Разумовском, Сокольниках и в Анненгофской роще, для установления места выставки.

К работам по созданию выставки собрание признало необходимым привлечь все живые художественные силы страны. Решено также организовать ряд открытых и персональных конкурсов на составление проектов выставки, а также выставочных плакатов для распространения их внутри страны и за границей.

Наметив затем деловую программу ближайших работ, собрание произвело выборы комитета активного содействия организации выставки. Выбраны: архитектор И. П. Машков (строитель Казанского вокзала в Москве и русского павильона на всемирной выставке в Венеции), академик архитектуры А. В. Щусев, архитектор М. В. Крюков (строитель русского отдела на всемирной выставке в Глазго), академик архитектуры Ф. О. Шехтель, архитектор В. К. Олтаржевский, профессора Вхутемаса: Чернышев, Рыльский и строитель музея Александра III в Москве академик Клейн.

**В ВЫСШЕМ ТАРИФНОМ СОВЕТЕ.**

При управлении делами высшего тарифного совета, при участии представителей ВСНХ, Гомзы, отдела металла, Гута и цека металлистов и горнорабочих, состоялось совещание по вопросу об учете сдельщины и перевыработки при выплате заработной платы.

До последнего времени при исчислении фондов заработной платы ВТС не принимал в расчет расходов предприятий на сдельщину и перевыработку. В настоящее время возникла мысль отпускать кредиты и на эту часть заработной платы.

Совещание постановило положить в качестве принципа в основание исчислений сдельщины и перевыработки выяснение среднего процента работников, на которых определяется сдельщина.

**НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДИО-ТЕЛЕФОННОЙ СТАНЦИИ.**

14 июля, в 10 ч. вечера, в присутствии членов высшего технического совета наркомпочтеля, в здании комиссариата, состоялись чрезвычайно интересные опыты по приему разговора, передававшегося по беспроволочному телефону со строящейся близ Курского вокзала центральной радио-телефонной станции. Передача речи велась радио-телефонным модулятором, сконструированным инженерами А. М. Васильевым и В. Н. Тейком. Установлено, что разговор, передававшийся на новой радио-станции, отличался большой ясностью и силою, позволившей слушать его всем сидевшим в комнате. О результате приема разговора на всех 300 приемных станциях наркомпочтеля будет сообщено в центр по телеграфу. Важно отметить, что любой абонент, благодаря сделанным приспособлениям, имеет возможность непосредственно сноситься по радио-телефону на большое расстояние, не выходя из своего кабинета.

**ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ШКОЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.**

Коллегией наркомпроса разработан проект постановления о школьном строительстве, который вносится во ВЦИК для утверждения.

В этом проекте устанавливается 9-летний период обучения в школах 1 и 2-й ступени. Признается бесплатность школы 1-й ступени, а также бесплатность входящей в твердую государственную сеть школы 2-й ступени, причем последняя должна быть преимущественно обеспечена за лицами трудового происхождения или проявившими особые дарования.

**РЕЭВАКУАЦИЯ КАЛМЫКОВ.**

Наркомнац возбудил перед ВЦИК ходатайство о реэвакуации из Константинополя 2.000 калмыков, параллельно разрешив оставшимся за рубежом калмыцким гражданам вернуться на родину.

**ПРОВЕРКА НАЙМА.**

В связи с имеющимися сведениями о приеме частными профессионально-техническими курсами служебного персонала независимо от секции рабпроса при биржах труда, Наркомтруд предложил в 2-недельный срок произвести тщательную проверку штатов в указанных учреждениях и в случаях нарушения правил о найме, привлечь виновных к законной ответственности.

**ПРОВЕДЕНИЕ ТРУДПОВИННОСТИ.**

Наркомтруд предложил губотрудам и биржам труда не допускать принудительных трудмобилизаций, донося немедленно о всех случаях их в центр. Распоряжение это не распространяется на работы, проводимые в порядке трудгужналога и борьбы со стихийными бедствиями.

**ДЛЯ ЭКСПОРТА.**

Петроторг заготовил для вывоза за границу товаров на 2 триллиона рублей. За последнее время вывозной фонд пополнился значительным количеством льна, кленового леса, пушнины и др. товаров.

**СЕГОДНЯ В ТЕАТРАХ:**

Художественный—«Перикола». Камерный—закрытие сезона «Синьор Формика». «Эрмитаж»: зеркальный—«Когда мужья изменяют», зимний—«Пять Ротшильдов», летний—Новый парк и Мюзик холл—разная программа. Зоологический сад—«Камо грядеши». Дмитровский—гастроли петроградского Александринского театра «Бедный Иорик». «Аквариум»: закрытый—«Обрыв», оперетта — «Веселая вдова». 2-й госуд. цирк—цирк. программа.

# Партийная жизнь.

**В ЕГОРЬЕВСКОМ УЕЗДЕ.**

Необходимо теперь, когда Егорьевская организация является частью Московской, подвести итоги прежней работе.

Надо сознаться, что сделано весьма мало. Промышленный Егорьевский уезд находился под руководством Рязанского губкома, у которого в других уездах преобладает крестьянское население. Конечно, на губернскую работу забирались товарищи непропорционально другим уездам и руководства настоящего не было. Но все же есть часть вины и местной организации. Мало энергии, мало инициативы.

Хотя промышленность в застое, крупнейшие фабрики работают лишь с мая, но есть и крупнейшие предприятия, на которые не обращают должного внимания. Я имею в виду Шатурку. 7 тысяч рабочих, много женщин. А что сделано для укрепления нашего коммунистического влияния? Весьма мало, товарищи. И тем более это непонятно, что шатурская ячейка состоит из 44 человек, из них два товарища старые члены партии.

Смотрите, с каким непобедимым упорством шатурские торфяники побеждают природу: в болоте, в грязи, стоят эти гиганты труда и творят свою великую работу. Они не страдают обывательщиной, они работают, и как работают думаю, что нам многому нужно учиться у тов. торфяников с Шатурского болота.

Перед нами стоят задачи весьма обширные. Прежде всего, нужно поднять умственный уровень нашей партийной массы, надо приступить к изучению марксизма.

Для примера возьмем заседание ячейки бывш. Хлудовской фабрики: на повестке дня два вопроса: о работе среди женщин и охране фабрики. По первому вопросу никто не высказывается, очевидно, никого этот вопрос особенно не интересует и собрание не реагирует. Выступает другой докладчик тов. Громов по вопросу об охране фабрики. В простых, ясных выражениях живо докладывает тов. Громов о своей работе в этой области, и вы всей душой чувствуете, что взять тов. Громова в хороший марксистский кружок, поработать с ним по основным вопросам нашей программы и он также хорошо изложит широкой массе основы марксизма—заинтересует ее и масса его поймет. Но таких кружков нет, нет школ политграмоты, нет советско-партийной школы. Нет партийного клуба. Все это нужно сделать тов. немедля—революция не ждет.

В нашей агитации весьма многое отсутствует и прежде всего план работы. Направить работу райполитпросвета, дать ему идейное руководство—вот вторая задача, которая входит в план агитационной работы укома. Ведь клубы почти не работают, кинематографы не удовлетворяют умственных запросов массы, не дают ей развития, библиотеки заброшены, газет мало.

На последнем собрании агитаторов и секретарей ячеек все эти вопросы обсуждались и из прений выяснилось, что в Егорьевской организации, как будто намечается перелом, как будто тов. встряхнулись, поняли свою ошибку и с удвоенной энергией приступают к работе. Это весьма отрадное явление. В Егорьевской организации есть здоровое ядро, есть товарищи, которые смогут поднять работу и можно с уверенностью сказать, что не пройдет три—четыре месяца и Егорьевск будет одним из первых уездов Красной Москвы.

Егорьевск, 6 июля.

**Е. А. Комиссаров.**

**БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ МОЛОДЕЖИ.**

Среди дремучих лесов и непроходимых болот стоит огромный Дулевский фарфоровый завод. Еще свежи в памяти у рабочих те времена, когда здесь господствовали белые короли фарфора—братья Кузнецовы. Жизнь подростков тогда была положительно кошмарна. Работая по 10 часов в сутки, задыхаясь в фарфоровой пыли, они постепенно хирели от чахотки и на 25 году обыкновенно кончали свой век. Все свободное время молодежь тогда проводила в трактирах, в постоянном пьянстве и драках.

Февральская, а затем октябрьская революции впервые заставили дулевскую молодежь призадуматься над своим положением; лозунги октября быстро и чутко воспринимались ею. В декабре 1918 г. организовался союз молодежи. Первый период жизни организации в эпоху жестокой гражданской войны прошел с большими перебоями в работе. Проходилось посылать на фронт даже руководителей организации. К концу войны, когда подросли младшие товарищи и начали понемногу разбираться в работе, к ним присоединились вернувшиеся с фронта ветераны союза. С этого момента и до сих пор мощь организации постепенно растет, работа развертывается все шире и шире.

К началу наступления Нэпа работа уже в полном разгаре; но тут некоторые необычные новые условия, сокращение штатов, вольная торговля и т. д. ставят членов союза втупик; организация переживает кризис, но не надолго.

С удвоенной энергией принимаются союзники за работу. Организация приобретает среди фабричной молодежи большой авторитет. Все со своими нуждами и обидами приходят в союз за помощью.

Одновременно ребята стараются прилежно учиться. Школа фабзавуча на 50 проц. состоит из членов РКСМ. Работают кружки: политический, естественный, драмсекция, устраиваются экскурсии и т. д.

Не забыты и развлечения: имеется футбол, крокет, качели, привлекающие массу молодежи. Работа идет интенсивно. Одна беда, ячейка РКП мало внимания обращает на младших товарищей. Так, до сих пор еще нет помещения для клуба. Ребята не унывают, и клубная работа ведется на вольном воздухе. Была бы лишь охота. Но все же к зиме ячейка РКП должна позаботиться о помещении для клуба союзников.

**А. М.**

**ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.**

**(Письмо из Саратова).**

В наше нэповское время влияние нашей печати на партийные массы сказывается слабо потому, что целые группы и слои партийной массы оторваны от газеты. Восстановить эту связь—срочнейшая и важнейшая наша задача. Но как, каким образом восстановить эту связь?

Раньше каждый член партии автоматически делался подписчиком партгазеты или журнала—теперь этого нет. Необходимо устроить так, чтобы всякий член партии, платя членский взнос (можно его увеличить), тем самым делался подписчиком «Правды» или другой какой газеты.—Я знаю, что при теперешней величине партии, ее разбросанности по территории России и т. п., это сложная задача.

Легче всего, конечно, сделать подписчиками «Правды» городских членов партии,—нужно начать с этого. Я знаю: в некоторых местах такая вещь уже практикуется, но почти исключительно в маленьких городах. В больших городах важнее и легче начать это дело,—пусть ЦБ возьмется за него и поставит на нужные рельсы.

**М. Волкин.**

# Профессиональное движение.

**ПРАКТИКА КОЛЛЕКТИВНЫХ ДОГОВОРОВ.**

**У металлистов.**

Коллективные договоры во второй половине июня заключены подавляющим большинством райкомов союза металлистов.

Заключен ряд договоров в Омском райкоме (не заключены договоры с Артекладом и Гидротехническим заводом); утверждены договоры в Иваново-Вознесенском райкоме (с производственным отделом ГСНХ), Уфимском, Харьковском и Кубано-Черноморским. Кубано-Черноморский райком в виду тяжелого положения хозорганов согласился на 3 проц. отчисления с заработной платы на культработу в течение апреля, мая и июня. Харьковский райком решил в договор внести пункт о 5 проц. отчислении на культработу и 14 проц. в Помгол.

Уралбюро утверждено тарифное соглашение между Богословским райкомом и правлением треста.

В некоторых райкомах возникают конфликты на почве нарушения хозорганами тарифных соглашений, отказа от заключения коллективного договора и невыплаты заработной платы.

Так, в Донецком райкоме возник конфликт на машиностроительном заводе в виду невыполнения заводоуправлением тарифного соглашения. Райком для выяснения и улажения конфликта командировал на завод члена президиума. В Витебском райкоме возник конфликт на заводе Шахтера. Арендатор не выполняет предписаний союза, отказывается подписать коллективный договор, отказывается вносить 5 проц. отчисления в культфонд и к рабочим относится плохо. Собрание рабочих об'явило конфликт. Райком постановление санкционировал и предложил владельцу завода в 3-дневный срок ликвидировать задолженность рабочим, заключить коллективный договор и внести процентные отчисления, а в случае невыполнения предложений передать дело в конфликтную комиссию отдела Труда для рассмотрения вопроса в 24 часа.

На почве невыплаты зарплаты возник конфликт на заводе «Людьгмит» в Московском райкоме. Здесь рабочие проводили итальянскую забастовку. Райком предложил рабочим в порядке союзной дисциплины стать немедленно на работу, заводоуправлению предложено в 3-дневный срок выплатить полностью зарплату, в противном случае оставить завод на положении конфликта.

**У совработников.**

Кампания по заключению коллективных договоров с кооперативными организациями начата ЦК союза совработников еще в конце прошлого года. Переговоры по этому вопросу с Центросоюзом, Цустраном и Транспортными потребительскими обществами велись очень продолжительное время и были подписаны только 1 марта. Заработная плата в этих договорах была построена на золотом рубле и стабилизировалась по курсу НКФ. В связи с отменой официального курса НКФ, к договорам заключены в настоящее время дополнительные соглашения, изменяющие способ исчисления заработной платы на основе продуктового пайка, расцениваемого по рыночным ценам. С мая начинается усиленная работа по заключению коллективных договоров во всероссийском масштабе. Заключен коллективный договор с Госстрахом, еврейским комитетом помощи погромленным, полномочным представителем РСФСР при заграничных организациях помощи голодающим, закончены переговоры с ВСНХ. Заработная плата во всех этих договорах построена на основе продуктового пайка.

С июня ЦК приступил к заключению тарифных соглашений с наркоматами. Ведутся переговоры с Наркомпродом, НКЮ, НКРКИ, НКТ, НКФ и ГПУ. Закончены переговоры с НКИД. Отказались от заключения тарифных соглашений НКВД, ЦСУ и Наркомнац. Вопрос передан в конфликтном порядке в НКТ и ВЦСПС. Основные черты проекта, по которому ведутся переговоры о заключении тарифных соглашений —исчисление заработной платы на основе продуктового пайка, создание паритетных конфликтных комиссий учреждений и гарантии своевременной выдачи заработной платы. Во всех тарифных соглашениях вводится пункт о том, что на местах могут заключаться дополнительные тарифные соглашения, улучшающие условия труда и заработной платы.

На местах тарифная работа проводится в тех же направлениях и тем же оживленным темпом, как и в центре. В ЦК имеются сведения о заключенных уже на местах 65 губотделами 313 коллективных договорах, 65 тарифных соглашениях в 16 городах. Большинство местных коллективных договоров заключено с кооперорганизациями и госучреждениями, переведенными на хозрасчет. Есть случаи заключения договоров с госучреждениями, находящимися на централизованном снабжении. Заработная плата строится на основе прожиточного минимума, как правило. Большинство тарифных соглашений заключено на один месяц, с индексированием и сроками выдачи.

# Красная Армия.

## Трехлетний юбилей славной 18-й Ярославской стрелковой дивизии.

1919—1922.

### Наш привет.

**В славный день трехлетнего юбилея, отдел «Красной армии» «Правды» горячо приветствует 18-ю стрелковую дивизию и ее боевого начальника тов. Федько.**

**К приветствиям товарищу Федько присоединяются быв. сотрудники дивгазеты 46 «К Победе», хранящие память о нем по Крымской кампании.**

### В день трехлетняго юбилея.

Наше прошлое—славные страницы, которые история впишет золотыми буквами в свою книгу.

Наше прошлое—годы кровавой борьбы в дни гражданской войны на бесчисленных фронтах с врагами трудящихся.

Наше настоящее—охрана завоеваний революции, мирного труда РСФСР и подготовка к великим грядущим боям за освобождение трудящихся всего мира из лап капитала.

К этим целям, чтобы не застал нас враг врасплох, мы должны готовиться непрестанно. В подготовке наша задача. Этот год—год учебы,—сказал наш вождь тов. Троцкий. И мы учимся.

В день трехлетнего нашего юбилея, подводя итоги и вспоминая наши победы на фронтах при чрезвычайных условиях и лишениях, перенесенных нами, скажем, что мы будем учиться, будем тверды, как сталь, будем крепки духом, дисциплинированы и спаяны в одну тесную, дружную и мощную семью единой общей целью.

Да здравствует 18-я Ярославская стрелковая дивизия!

**Н. Листков.**

### 18 Ярославская стр. дивизия.

Входившие в состав 6-й армии на северном фронте, 1-й Камышинский полк и 2-й Московский батальон связи были зародышами славной 18-й дивизии.

Суровая природа севера, жестокие морозы, снег по пояс и глухие лесные дебри,—вот обстановка, в которой выковывалась непобедимая мощь «Северных орлов».

В июне 1919 г. на Онежском участке, перебив своих офицеров, переходит на нашу сторону 5-й севполк Миллера.

В июле, составившаяся из старых частей и партизанских масс, дивизия была названа 18-й.

23-го февраля 1920 г. дивизия ликвидирует северный фронт, заняв, после потери двух третей своего состава, Архангельск.

После непродолжительной стоянки в Архангельске, во время которой дивизия восстанавливала разрушенную железную дорогу Вологда—Архангельск, дивизия перебрасывается в Карелию и на границу Финляндии.

В апреле 1920 г. разгорается война с Польшей и дивизия снова пролагает путь к победам.

17-го июля дивизия участвует в общем наступлении против поляков и доходит до стен Варшавы. Но, встретив свежие силы врага, усталые части отступают и поляки окружают дивизию. Часть дивизии пробивается к своим, часть—движется через Германию и Латвию.

Новая «Золотая страница» дивизии развертывается на юге, где, ликвидировав деникинские и врангелевские банды, дивизия в снегах и морозе переходит знаменитый Сурамский перевал, ведя борьбу с дашнаками, скрывающимися в каждом ущелье.

После разгрома бандитов в Кубани, дивизия участвует в боях под Баку, Дербентом, Эриванью, Тифлисом, Кутаисом и т. д.

Закончив боевые задачи, дивизия перебрасывается в Ярославль для переформирования в условиях мирной обстановки. Дивизия имеет много боевых отличий, много героев ея награждены орденами Красного знамени.

Полки имеют боевые красные знамена с грамотами ВЦИК, благодарностями РВСР, РВС 6, 11 и 15.

Шефы дивизий и полков могут гордиться шефством над столь славной воинской дивизией.

### Начдив Федько.

18-й Ярославской стрелковой дивизией командует тов. Федько, один из тех трех героев Красной армии РСФСР, которые имеют по три ордена Красного знамени, полученные ими за выдающиеся боевые заслуги.

Тов. Федько действительно пролетарский вождь в Красной армии.

Крестьянин по происхождению, он в гражданскую войну, командуя дивизией, проявлял недюжинные способности военного полководца и стратега. Ряд блестящих боевых операций в Крыму, ликвидация антоновских банд—все это дело тов. Федько.

В 18-й стрелковой дивизии тов. Федько недавно. Лишь в нынешнем году тов. Федько принял командование дивизией, как одной из старых боевых частей, имеющей славное прошлое в гражданской войне.

### В этот день.

В этот день, день юбилея нашей боевой дивизии, мы учтем весь свой опыт. В этот день, отмечая этапы пройденной борьбы за 3 года на северном западном и южном фронтах Совреспублики, дивизия в связи с реорганизацией передаст боевые знамена переформировываемым полкам. Знамена эти освящены кровью тысяч рабочих и крестьян, павших в великой борьбе за дело революции.

Принимая знамена, части примут обязательство защищать их, не допуская прикосновения рук к ним наших классовых врагов.

Мы помним,—Красное знамя—это пролитая кровь рабочих и крестьян, кровь, вечно зовущая к мщению классовым врагам нашим.

Дивизия на свой юбилей приглашает наших дорогих вождей Красной армии. Приглашаются шефы всех частей и попечители из нескольких губерний, так как дивизия занимает большую территорию, неся караульную строевую службу.

Кроме представителей шефов и попечителей, дивизией приглашаются на юбилей рабочие тех предприятий, кои являются шефами частей.

Таким образом, празднуя свой юбилей в тесном кругу трудящихся, дивизия подчеркнет и укрепит единение Красной армии с трудящимися, выразителем которого является шефство и попечительство.

**М. Л.**

# Рабочая жизнь.

### УГРОЗЫ НЕ ПОМОГУТ.

«Герои» корреспонденций, злоупотребления и проделки которых разоблачаются в «Рабочей Жизни», различно относятся к этим разоблачениям.

Так, Жуков, которого я прокатил в газете за хищение платков и сукна (дело его находится в суде), угрожает привлечь меня к ответственности за то, что я неправильно обличил его и в краже и в пьянстве.

Политком Городнов встретил меня и говорит:

— Ты написал в газету, что мы неправильно распределили обувь. Можешь внести деньги и обувь получить.

Я ответил:

— Денег сейчас у меня нет. Да почему не дали обуви прежде, и не мне одному, а и более нуждающимся рабочим?

Член правления ф-ки Носова Пухов позвал меня и говорит:

— Ты написал, что я получил две пары ботинок? Писать пиши, но знай, что из этого хорошего не получится!..

1-го января с. г. Пухов организовал попойку на фабрике, совместно с работницами. Теперь он вместе с другими бывшими членами правления ф-ки Носова берет в аренду фабрику Червякова (очевидно, так поднажился, что надоело быть рабочим, а хочется стать фабрикантом).

Пухов грозит мне так же, как грозили убитому корреспонденту с фабрики Циндель тов. Спиридонову. Нужно раз навсегда заявить гражданам Пуховым, что угрозы не помогут им. Они получат такую награду, какая им полагается за их достойные дела.

**В. Куканов.**

### У ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ.

**Не все рабочие знают кодекс законов о труде.** Больше того: очень часто даже не знают тех коллективных договоров, которые заключаются между профсоюзом и предпринимателем. Особенно это незнание сказывается у рабочих частных предприятий.

**Само собой разумеется, что такое незнакомство очень выгодно хозяйчикам, которые не упускают случая этим воспользоваться.**

**Обойдите все частные хлебопекарни,** и едва ли вы где найдете коллективные договоры между рабочими и предпринимателем. Рабочие в полном подчинении у хозяина. В результате—никакой культурной жизни на частных предприятиях нет, даже газеты не читаются, ибо хозяин покупать не обязан, а самим рабочим не всегда по карману покупать газету.

Дальше, на всех хлебопекарнях рабочие вырабатывают установленную профсоюзом норму, при чем эта норма рассчитана на 8-часовой рабочий день. Хлебопекарни работают на три смены,—часть рабочих работает ночью. Норма выработки одинаково рассчитана на 8 часов, а в ночной смене полагается работать не 8, а 7 часов. Следовательно, у хозяина от каждого рабочего еженедельно остается стоимость лишних переработанных 6 часов.

Такая же история происходит и с предпраздничными днями, когда рабочие должны работать не 8, а 6 часов, а они вырабатывают по обыкновению 8-часовую норму,—следовательно, хозяину опять остается лишних два часа. И за все эти переработанные 8 часов в неделю хозяйчики до сих пор рабочим не оплачивают. Нужно заставить частных предпринимателей выплачивать рабочим за переработанные часы.

**И. Жига.**

### ДОМАШНЯЯ ПРИСЛУГА.

**Пышным, но нездоровым букетом** расцвела в Москве эксплоатация женского труда. Нужда и голод пригнали в красную столицу тысячи женщин из провинции. Не имея понятия о бирже труда, они сами отыскивают себе места, соглашаясь работать за кусок хлеба. Теперь женскою прислугою обзаводятся все, кто не привык трудиться сам. Каково положение этой прислуги, можно судить по двум письмам, поступившим в городскую районную инспекцию труда.

В одном из этих писем, принадлежащем партийному товарищу,—речь идет о докторе Володарском (Покровка, д. 19, кв. 21), имеющем в качестве домашней прислуги 16-летнюю девушку-подростка.

«Она не состоит членом профсоюза и не проведена через отдел учета и распределения рабочей силы. Володарский, зная, что Нюша (имя прислуги) сирота и никаких защитников не имеет, эксплоатирует ее так, что дальше итти некуда. Она по целым дням сидит дома, с 7 час. утра до поздней ночи, работая без передышки. Пищу дают ей самую худшую, после чего у ней часто болит живот. Очень часто бывает, что Нюше не дают есть до 4 часов дня. Жалованья дают всего 1 милл. руб. в месяц. Ее даже в воскресенье не отпускают из дома».

В другом письме сообщается о сотруднике Наркомпрода гражд. В. А. Гадзинском (Печатников пер., д. 22 кв. 10), имевшем в качестве прислуги 13-летнюю девочку Марию Потапову. Ее заставляли работать «господа» по 15 часов в день, кормили плохо, и она, на почве истощения, заболела и сейчас находится у родственников в деревне.

Надо повести решительную борьбу с эксплоатацией женского труда. Инспекции труда не справиться одной с этим злом. Профсоюз коммунальных работников должен повести кампанию за вовлечение в свои ряды домашней прислуги и провести для нее в жизнь нормы рабочего времени и оплаты труда. Тысячи девушек и женщин находятся в Москве в положении Нюши.

**Дальше медлить нельзя.**

Отдел работы среди женщин при ЦК РКП тоже должен мобилизовать свои силы для освобождения домашней прислуги от рабства.

**Е. К.**

### В ДОМЕ РАБОЧИХ-ПОДРОСТКОВ.

Тихая, отдаленная от центра Малая Грузинская улица. Двухэтажный деревянный дом, только недавно выкрашенный.

Это—«Дом рабочих-подростков» Красно-Пресненского райкома РКСМ при местном райкоме МКП.

Дом этот открыт комсомольцами в декабре прошлого года. Цель его—притти на помощь безработным рабочим-подросткам.

Энергично взялись комсомольцы за осуществление этой цели, и скоро составился кадр рабочих-подростков, частью предоставленный районным отнобразом, частью подобранный на улице—на грани между голодовкой и преступностью...

Подростков одели, обули, вымыли, вычистили, поместили в светлых, чистых комнатах и всех устроили на фабрику учебных пособий МОНО, где они были размещены по цехам.

Всех их 50 человек. Многие из них уже являются опытными работниками, остальные—доучиваются. Получаемое ими жалованье идет в «общий котел»,—эти деньги идут на их нужды, на улучшение стола, на другие неотложные потребности.

При доме—клуб, где ведется культурно-просветительная работа, читальня, большой сад. Недавно только произведен полный ремонт, и все помещение отличается образцовой чистотой.

— Сейчас все подростки на отдыхе до августа в Немчиновке, где для них отведена громадная дача в бывшем барском имении. Там они занимаются огородничеством, немножко сельским хозяйством, и набираются сил для дальнейшей работы. Когда они вернутся, их распределят по фабзаучам. С осени будет организован, при содействии МК СКМ, второй центральный дом для рабочих-подростков, в связи со все увеличивающимся числом безработной молодежи. Организуется и касса взаимопомощи...

Дом рабочих-подростков пользуется поддержкой Красно-Пресненского райсовета.

**Гр. Нилов.**

### В КОГТЯХ ЧАСТНОЙ ХОЗЯЙКИ.

В Минске сейчас производится обследование частных предприятий швейной промышленности. Привожу одну из картинок, какую мне пришлось наблюдать во время обследования в мастерской Сименчик.

Темная, длинная комната, служит одновременно и мастерской, и столовой. Грязно. При нашем появлении—маленькое замешательство. Представитель союза заметил юркнувшую в дверь фигурку.

— Кто отсюда вышел?..

Работницы мнутся.

— Прислуга соседки.

Представитель союза открывает маленькую дверцу и из темной комнатки выводит девочку лет 15.

— Что ты здесь делаешь?

— Ученица,—девочка краснеет.

— Сколько получаешь?

— Я... я здесь никогда не работаю...

Хозяйка больше не может выдержать. Маленькая, подвижная, со злыми, бегающими глазами, она набрасывается на девочку:

— Какая ты ученица? Один раз в месяц приходит! Она все время картошку сажает. Забыла, видно, что картошка уже давно посажена. Все девушки знают, когда она приходит.

Но девушки «почему-то» молчат. Инспектор труда узнает, что ученица уже работает больше года, ничего не получает, работает не 6 часов, а 8.

Инцидент исчерпан, но скоро возникает другой. Из страховых квитанций выясняется, что Сименчик платила страховой взнос за 5 человек, в то время, как работает 8 чел. Хозяйка начинает суетиться и кричать, стараясь доказать свою правоту, обращается к каждой работнице по очереди:

— Ты, ведь, не работала в мае!.. А ты болела. Ты себе костюм шила.

Но работницы, оказывается, все работали. Да соврать нельзя, ибо представитель союза здесь был в мае и нашел всех на местах.

Хозяйка все более раздражается, и в конце-концов не выдерживает и разражается истерикой.

— Что вы от меня хотите? Не хочу я платить. Мне нужно своим детям давать. Не внесу страховых взносов. Что хотите делайте.

— Она всегда такая...—замечает работница.

**Эстрова.**

# По Советской федерации.

### Сланцевая проблема.

(От нашего саратовского корреспондента).

В годы, когда сердце Советской России с Москвой и другими промышленными центрами сжимало огненное кольцо белогвардейщины, когда мы были отрезаны от источников топлива—Баку, Грозного, Эмбы и Донбасса,—все наши надежды мы возлагали на подмосковный уголь, торф и горючие сланцы.

И не напрасно: мы сумели удержать их помощью ядро советской промышленности, питая ее подмосковным углем, торфом и сланцем.

Теперь, когда связь с нефтеисточниками восстановлена, у нас и подмосковный уголь и торфяники все же занимают почетное место в топливных делах, и только горючие сланцы как-то забыты, как будто не оправдали они себя. А было время, когда на сланцах думали поставить чуть ли не всю промышленность среднего Поволжья!..

Вопрос о горючих сланцах, как топливе, у нас начинает пересматриваться. И не потому пересматриваться, что не оправдались наши расчеты на топливное их значение. Сейчас нашей промышленности почти с избытком хватает и угля и нефти, и нет нужды возиться с менее выгодным топливом. Горючие сланцы с начинающимся возрождением нашей химической промышленности приобретают особое значение, давая возможность использования продуктов их сухой перегонки.

Пионером в деле химического использования горючих сланцев оказался Саратов—крупнейший промышленный центр всего Поволжья. Здесь лабораторные опыты с горючими сланцами давно уже вышли из научно-опытных исследований. Горючие сланцы в Саратове используются уже в промышленном масштабе. Перед горючими сланцами стоит будущее не топливного, а химического использования.

Идея химического использования сланцев возникла у местного химика Значинского еще в [illegible] году. В годы революции производились лабораторные опыты, давшие весьма яркие результаты. С мая 1921 г. местный совнархоз приступил к постройке сланце-перегоночного отделения на одном из саратовских химических заводов, а уже с сентября пущена была в ход первая ретортная печь.

Под руководством профессоров Полетаева, Долонова, Пилипенко и [illegible], в настоящее время идет [illegible] из сланцевой смолы таких важнейших химических продуктов, как ихтиол и креолин. Этих продуктов ежедневно вырабатывается не менее 1 п. 10 ф. Причем оказалось, что наши ихтиол и креолин много лучше заграничных.

Так, напр., проф. Шабуров в Саратовском ветеринарно-бактериологическом институте произвел опыты с креолином и нашел, что его бактериоцидность велика: двухпроцентный раствор после 30 минут действия убивает бактерии сибирской язвы.

Для нашей земледельческой страны новое химическое производство—громадное завоевание Советской Республики. Сделан первый шаг в деле обеспечения нашей сельскохозяйственной и ветеринарии препаратами собственного производства. Несомненно, что со временем выгонка из сланцев химических продуктов будет настолько велика, что не будет смысла употреблять сланцевые богатства в качестве топлива. Сланцевая проблема должна быть разрешена не употреблением сланцев в качестве топлива, а путем выгонки из них химических продуктов.

Саратовские опыты нужно расширить и углубить—этого требуют интересы возрождения нашей промышленности и сельского хозяйства.

**Ив. Фертов.**

### Техникум в деревне.

(Путевые очерки).

II.

В'езжаем в бывшую резиденцию Саблера. Направо деревянный в русском стиле барский дом—просторный, светлый, но без излишней внешней роскоши. Слева, около церковки, деревянное, светлое, двухэтажное здание, бывшая церковно-приходская школа. А дальше—огромное каменное трехэтажное здание—б. семинария, а теперь техникум, которое могло бы служить украшением даже и большого города. Вблизи его службы, флигеля, больница и проч.

На первом крестьянском губернском с'езде в апреле 1917 г. было вынесено постановление вместо семинарии открыть сельскохозяйственный техникум, и в ноябре следующего года это постановление было осуществлено.

Поистине, техникум создан энергией нескольких человек. Вначале было два—три, в настоящее время имеется уже 7 «основных» профессоров, не считая [illegible] преподавательского персонала. В данный момент техникум может поспорить постановкой дела и преподавания со своими старшими собратьями.

Контингент учащихся на высших курсах хорошо подготовлен. Молодые люди обоего пола принимаются по экзаменам; недостаточно подготовленные для восприятия высших специальных знаний поступают в соответствующий класс имеющейся здесь школы 2-й ступени (4 года), кроме которой имеются 2 подготовительных класса. На высшем отделении в данный момент 2 курса, всего же предполагается 3 года обучения. Таким образом, через год—первый выпуск агрономов-землемеров. Кстати сказать, здесь в программе достигнуто умелое сочетание агрономии с землемерием, т.-е. техникум будет выпускать таких спецов, в которых особенно нуждается современная деревня. Теория все время соединена с практикой, и название «трудовой школы» к техникуму можно применить с полным правом.

Учащиеся работают вместе с профессорами на полях (коллективная обработка), на огородах (обработка индивидуальная), молочной ферме и пр. Так как своих [illegible]ров у техникума пока мало, то в сепараторах на ферме бесплатно перерабатывается молоко, приносимое крестьянами. Бесплатно оказывается ветеринарная помощь крестьянскому скоту... Принцип бесплатности установлен для того, чтобы привлечь крестьян и дать тем самым студентам возможно больше практики.

Всего учащихся в техникуме около 120 человек.

Нужно было видеть, с какой гордостью и любовью профессора показывали мне классы, аудитории, кабинеты—физический, химический, геодезический и др. Кабинеты оборудованы собственными средствами, при самой незначительной помощи центра. Профессора использовали свои связи и знакомства, каждый тащил сюда, что мог: приборы, части приборов, книги, микроскопы.

Многие приборы сделаны в собственной мастерской, из них некоторые очень сложные, которые возможно было бы получить только из-за границы.

— По точности они могут поспорить с лучшими заграничными,—заявил один из профессоров,—хотя и не блещут внешней отделкой и изяществом...

Картограммы, диаграммы, таблицы—сделаны собственноручно. Из мебели также многое сделано в своей столярной мастерской... Мне показали и мастерские, в которых имеются электрические двигатели.

То и дело приходилось слышать:

— Это сделано целиком у нас...

— Вот здесь только термометр и стеклянные части приобретены на стороне, остальное сделано в наших мастерских...

— Это сделано по проекту нашего профессора студентами...

Ну, как тут не гордиться!..

Повторяю, ведь, все это делалось и создавалось почти при полном отсутствии материальных средств, в условиях недоедания как учащихся, так и профессоров, в условиях, когда всем им приходилось (и приходится) работать по 18—20 часов в сутки, так как нужно было не только учить и учиться, но также пахать, рубить дрова, копать гряды, вывозить навоз, косить, жать и проч.

Библиотека помещается в быв. домовой церкви—довольно большое светлое помещение, с установленными по стенам огромными шкафами-хранилищами. Большинство шкафов сделано в своей мастерской, и почти все книги приобретены за эти годы. А их уже около 9 тысяч томов. От бывшей семинарии, правда, осталась библиотека, но по преимуществу из богословских и религиозных книг, которые пришлось сложить в архив «за ненадобностью».

Разумеется, библиотека нуждается в пополнении, особенно специальной литературой.

— Но теперь это еще труднее: за все нужно платить деньги, и большие деньги, а у нас их нет.

В геодезическом кабинете работали студенты (несмотря на праздник—часть профессоров и студентов работала в поле, в огороде, в лабораториях). Здесь мне показали карту культуры земли, принадлежащей техникуму.

В первый год возделано земли было, сравнительно, немного, на карте много белых мест; во второй год белых пятен уже меньше, а план нынешнего года—весь покрыт цветной краской; перешли на семиполье, и нет ни одного необработанного клочка земли.

С трудом удалось получить землю для техникума в достаточном размере. Местные власти, не обладая большим кругозором («власть на местах»—о ней много уже писалось и следует писать еще больше), находили бесцельной роскошью награждать техникум землей. Но все же землю удалось получить и даже десятин 20 прекрасного дубового леса.

Заглянули и в общежитие для студентов и студенток. Небольшие, но уютные и светлые комнаты содержатся в образцовой чистоте. Профессора не нахвалятся своими питомцами...

— Среди них положительно есть таланты... Черноземная сила, откуда что берется... У нас есть математичка, которая шутя разрешает самые сложные задачи... А вот, например, студент-рабочий из Серпухова... Прирожденный, интуитивный механик, он изобретателен, как бог...

Огромный актовый зал превращен в театр; руками учащихся и преподавателей сделана сцена и написаны декорации. Устраиваются спектакли, концерты...

— Ждали на наш школьный праздник т. Ленина... Приедет, посмотрит, сам убедится, что сделано нами... И, может быть, техникуму была бы оказана необходимая поддержка. Но наши надежды не сбылись...

С тяжелым и радостным чувством уезжал я отсюда. Было радостно от сознания, что в наше трудное время люди создают такие удивительные культурно-просветительные гнезда... Но какими усилиями, какой ценой, а главное—не окажутся ли все их труды в конечном счете напрасными, не обречено ли их дело на смерть?..

Гибнет народная школа, разбегаются из деревень учителя... Это страшно, но это поправимо. Воссоздать народную школу, сравнительно, легко... Но создать такой техникум, даже в более благоприятных условиях, задача трудная, чтобы не сказать больше...

Мы свернули с большака на проселок в Тарасковский (быв. имение Глебова) совхоз. По бокам высокие, в рост человека, рожь и прекрасные совхозовские овсы...

**М. Рамзе.**

### Дело об Ярославском восстании.

15-го июля в Ярославле выездная сессия Верховного Трибунала приступила к слушанию дела об ярославском восстании. После прочтения обвинительного заключения, суд приступает к допросу подсудимых.

Перхуров признает себя виновным в участии в ярославском восстании, соглашается с частью обвинительного заключения по поводу его действий в Ярославле. Он сознается также в участии в армии Колчака. Теляковский признает, что принимал участие в ярославском восстании, как рядовой боец.

По предложению председательствующего тов. Ульриха, Перхуров рассказывает суду о первом периоде своей работы в противосоветской организации, возглавлявшейся Савинковым. Впервые он встретился с Савинковым в начале февраля 1918 г., познакомил его с ним некто Кошелев. Перхуров пришел к нему. При первой встрече Савинков говорил Перхурову, что, по его мнению, необходимо продолжение войны с Германией для того, чтобы Россия не потеряла права голоса на мирной конференции, которая будет созвана после победы над германцами. Поэтому необходимо подобрать людей, стоящих на такой же точке зрения.

После этого Перхуров неоднократно встречался с Савинковым и познакомился у него со следующими лицами, входившими в состав савинковской организации: Бреде, Гоппер, Дикгоф-Деренталем, д-ром Григорьевым.

До марта 1918 года организация Савинкова не располагала почти никакими средствами; лишь время от времени Перхуров получал от Савинкова по 30—40 руб., которых еле хватало на прожитие. В марте месяце Савинковым были получены деньги, имевшие своим источником представительство Антанты; примерно в марте было получено до 100 тысяч, в апреле—500 тыс. и в мае около миллиона руб.

После получения денег, они стали думать о необходимости организовать базу, где бы можно было встречаться. В этих целях ими была открыта легальная лечебница на имя доктора Григорьева, где в передних комнатах принимали больных, а в задних производили свои конспиративные дела. К концу мая месяца в Москве находилось до 2 тысяч человек, примыкавших к их организации.

К тому моменту, как организация Савинкова разрослась, у организаторов явилась мысль связаться с другими организациями, действовавшими в целях свержения Советской власти. В мае же месяце состоялось заседание для разрешения вопроса об общем блоке со всеми враждебными Советской власти течениями. На этом заседании организация Савинкова была представлена Савинковым и Перхуровым, более правая организация—Ивановым и каким-то морским офицером, организация же правых с.-р.—генералом Болдыревым и каким-то неизвестным, которого называли Макарони. Они полагали, что блок противных большевизму течений будет иметь центром с.-р. партию, как богатую людьми и средствами.

Далее, из многих, в общем, путаных, ответов подсудимого удается все же выяснить, что он считает и теперь необходимым свергнуть Советскую власть и даже, если будет необходимо, загнать коммунистов в подполье.

На вечернем заседании Трибунал продолжает допрос подсудимого Перхурова.

К концу июня союз «Защиты Родины и Свободы» являлся боевой организацией, связывавшейся с чехо-словаками, а также с французскими представителями Нулансом и Ливерколем. Примерно, к этому времени представители французского правительства поставили в известность Савинкова и его организацию, что предполагается произвести на Мурмане и в Архангельске десант. Предполагалось, что десант будет состоять из одной пехотной бригады с достаточным количеством технических средств и оборудования. Срок высадки был назначен между вторым и четвертым июля. Далее подсудимый говорит, что восстание в Москве было признано невыполнимым, и поэтому решено было перевести центральную организацию в Казань, чтобы иметь возможность соединиться с чехословаками и действовавшей на юге добровольческой армией Алексеева.

На эвакуацию организация просила денег у французской миссии, но с выдачей этих денег медлили. По мнению подсудимого, замедление в выдаче денег произошло по интриге правых эсеров. Неоднократно представители эсеров являлись к Нулансу и говорили, что Савинков только политический авантюрист.

К концу июля организацией были посланы люди в Казань, чтобы подготовить эвакуацию. К этому же времени Савинков послал Перхурова в Ярославль для того, чтобы выяснить на месте наличность организации и ее средства, и отвезти туда десять тысяч рублей на местные нужды. Побывавши в Ярославле, Перхуров вернулся в Москву и сделал подробный доклад о тамошнем положении.

Далее, рядом вопросов, председательствующий Трибунала устанавливает, что штат Савинковской организации состоял из самого Савинкова, являвшегося председателем «Союза защиты родины и свободы», Перхурова, бывш. начальником штаба, Клепикова, бывшего ад'ютантом Савинкова, Деренталя, заведывавшего сношениями с заграничными миссиями, доктора Григорьева, заведывавшего иногородним отделом, и врача Пикитина, заведывавшего конспиративным отделом.

В подчинении у Перхурова находились капитан Пипка, корнет Иленкин, капитан Жуковский, подполковник Николаевский, заведывавший формированием и заведывавший разведкой и контрразведкой полковник Бреде.

### Ликвидация басмачества на Востоке

Член реввоенсовета Туркфронта тов. Баранов телеграфирует:

«Наши части продолжают успешное продвижение вглубь. По данным войсковых начальников и другим источникам, устанавливается доброжелательное отношение к Красной армии со стороны мирного населения. Прекрасный урожай, значительно больший, чем в предыдущие годы, приковывает население к земле и заставляет жестоко осуждать всякие авантюры. Красная армия обеспечивает спокойствие и порядок, что ценится населением. Благодаря этому, дальнейшее движение наших частей окончательно убивает басмачество. Мирное население, обманом втянутое в борьбу с Советской властью, покидает Энвера, сдает оружие нашим частям и возвращается к мирному труду.

Бухарский ЦИК для награждения отличившихся установил три степени военного ордена с надписью «Защитнику Революции». Кроме того, установлен для отличившихся при взятии Дюшамбе особый орден с надписью: «За взятие Дюшамбе». Для раздачи наград героям Красной армии предсовназиров Файзулла Ходжаев в конце месяца выезжает в восточную Бухару.

Правительством принимается ряд мер по облегчению тяжести похода. Заготовляется продовольствие и фураж. Настроение частей бодрое, боевое.

### СУД НАД УБИЙЦАМИ ТОВ. МАМОНТОВА.

БАРНАУЛ, 13 июля. Вчера закончился суд над убийцами вождя красных партизан в Алтае тов. Мамонтова. Из 13 обвиняемых, 8 приговорены к высшей мере наказания, 4—к 10 годам принудительных работ, один оправдан.

### ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ С ПОЛЬШЕЙ.

ХАРЬКОВ, 15 июля. Возвратившийся из Львова председатель русской делегации на жел.-дорожной украинско-польской конференции сообщил, что по вопросу об обмене поездами между Украиной и Польшей достигнуто полное соглашение. Польские поезда будут доходить до Волочиска. Суточный обмен—60 товарных вагонов. Пассажирское движение будет производиться раз в неделю. На-днях восстанавливается товаро-пассажирское движение Киев—Львов. Из Польши на Украину будет поступать верхне-силезский уголь. Из Украины будет экспортироваться сырье.

### ВИДЫ НА УРОЖАЙ.

НОВОРОССИЙСК, 13 июля. Урожай яровых и озимых по округу определяется в 1.113.000 пуд. Виды на урожай винограда хорошие. От совхозов ожидается до 3.000 ведер вина. Урожай фруктов, благодаря холодной весне и вредителям, погиб на 75 проц.

КРАСНОКОКШАЙСК, 13 июля. В Марийской области урожай ржи ниже среднего, яровые и травы средние.

ВЛАДИКАВКАЗ, 3 июля. Урожай хлебов ожидается значительно ниже среднего. Благодаря голоду, население не может вести полевые работы. Поля зарастают сорными травами.

РОСТОВ-ДОН, 12 июля. По Донской области ожидается значительный сбор винограда. Виноделы спешно заготовляют тару.

### УБОРКА УРОЖАЯ.

РОСТОВ-ДОН, 14 июля. В Ростове приступлено к молотьбе ржи и ячменя. Урожай ржи определяется в 200 пуд. с десятины, ячменя—свыше 250 пуд.

ХАРЬКОВ, 15 июля. Урожайность в Запорожье понизилась на 25 проц. благодаря обилию дождей. По всей губернии началась уборка хлеба.

ХАРЬКОВ, 13 июля. По Киевской губ. идет сбор озимой ржи. Из уездов сообщают о прекрасном урожае, какого еще не было в течение последних 10 лет. Особенно обилен урожай корнеплодов.

НАЛЬЧИК, 12 июля. Приступлено к уборке пшеницы, урожай которой определяется в среднем в 120 пудов с десятины. Травы на лугах достигают [illegible] вечеческого роста. Большая часть покосов в Кабарде грозит остаться неиспользованной из-за отсутствия рабочих рук.

### ДОМ ИМЕНИ КОРОЛЕНКО.

ХАРЬКОВ, 13 июля. Украинское совещание предгубисполкомов решило отпустить из резервного фонда Совнаркома 2½ миллиарда руб. на постройку в Полтаве дома имени Короленко.

### УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКЕ.

ХАРЬКОВ, 13 июля. Укрвнешторг решил принять участие в открывающейся в Праге в первых числах сентября международной торговой выставке.

### 4 МИЛЛИАРДА ПУДОВ.

КРАСНОЯРСК, 13 июля. Обследованием, произведенным сибирской промышленной разведкой в месторождении железных руд в районе Абаканского завода, Минусинского уезда, установлено, что количество находящейся там руды достигает 4 миллиардов пудов.

### КОНЦЕССИИ НА РАЗРАБОТКУ [illegible].

КИЕВ, 13 июля. Крупная [illegible] фирма ходатайствует пред Волынским ГСНХ о предоставлении ей концессии на 15 лет на разработку глины и каолина в Волынской губернии.

### КОНТРАКТОВАЯ ЯРМАРКА.

ВИТЕБСК, 14 июля. Северо-западная областная контрактовая ярмарка назначается на 20 июля. Госбанк открывает на ярмарке отделение для выдачи ссуд на льготных условиях. Внешторг устраивает аукцион заграничных товаров.



# ИЗВЕЩЕНИЯ.

**Извещения принимаются только до 2 час. дня.**

Во вторник, 18 июля, в 4½ часа дня, МК РКП созывает совещание по вопросу о положении промышленности. Приглашаются: Фракции правлений Трестов, МСНХ, Промвоенсовета, Москвотопа, Бюро фракций МГСПС, Губотделов Профсоюзов и Бюро Райкомов.

За секретаря МК Ив. [illegible].

М. К. Р. К. П. доводит до сведения ячеек, что очередной партдень 19 июля с. г. не состоится и переносится на среду, 26 июля. Повестка дня будет об'явлена особо.

За секретаря МК Ив. [illegible].

М. К. РКП предлагает в порядке партийной дисциплины всем врачам-коммунистам г. Москвы и губерн., как занимающимся, так и не занимающимся своей специальностью, в 5-дневный срок зарегистрироваться в Бюро Фракции Губотдела Союза Всемедикосантруд, Театральная пл., д. 2-7.

За секретаря М. К. Ив. [illegible].

Явиться секретарям комячеек ВУЗ: 1) Зоотехнического Института, 2) Сел.-Хозяйственных Кооперативных курсов, 3) Московск. Государ. Института Музыкальной драмы, 4) Московск. Государ. Института Ритма, 5) М. В. Театральных мастерских, 6) Хореографической школы, 7) Вхутемас, 8) Лесотехнического,—в помещение Центрального Бюро Коммунистического Студенчества, Воздвиженка, д. № 9, комн. 24 и 25—14, 15 июля, с 1 до 4 час. дня.

ЦКК РКП просит т.т. Запольского, М. С., Мольнар В. И., зайти к секретарю ЦКК (Воздвиженка, 5, комн. 43).

ЦКК РКП просит тов. Семенова, завед. типографией, зайти в ЦКК.

К губс'езду уполномоченных для заслушания годичного отчета и перевыборов Могубсоюза рабоче-крестьянских потребительских о-в, назначенному на 22 июля.

Все т.т. коммунисты приглашаются прибыть на заседание фракции 21-го июля, в 12 ч. дня, в зд. Моск. Комитета (Б. Дмитровка, 15-а).

### ПАРТИЙНЫЕ.

— Замрайком. 17 июля, в 8 ч. в., в клубе района сост. заседание марксистской секции под руководством т. Адорацкого.

— Рог.-Симоновский р. 17 июля, в 7 ч. в., в Летнем саду им. Пришнинникова (Семеновская ул., 15) сост. лекция т. Рязанова: «Рабочее движение и марксизм».

— Хамовнический р. сообщает, что последний день подачи заявлений об откомандировании членов ячеек в дневные и вечерние рабфаки и ВУЗ истекает 25 июля. В заявлениях необходимы следующие сведения: возраст, партстаж, социальное положение и происхождение.

— Кр.-Пресненск. р. 17 июля, в доме народа им. Либкнехта (Васильевская ул., 13) расширенное делегатское собрание членов партии. Приглашаются представит. ячеек, делегатки-коммунистки ячеек, организаторы женотдела, секретари ячеек, РКСМ, агитаторы и все активные работники ячеек.

— Замрайком. Заявления на поступление на рабфак и ВУЗ принимаются в Орготд до 20 июля. 18 июля собр. секретарей ячеек (Пятницк., 64).

— Бюро фракции союза раб. полиграф. производства сообщает, что назначенное на 14-е июля производственное совещание коммунистов, перенесено на 17 июля, в пом. Голубого зала Д. Союзов.

### ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ.

— Союз «Всемедикосантруд». 20 июля, в 4 ч. д., назначается делегатское собрание в ауд. № 3 Политехническ. музея. Явка обязательна.

— Губотдел союза строительных рабочих. 19 июля, в 5 ч. в., в пом. союза (Сад.-Спасская, 21) сост. общее собрание рабочих по водопроводу и отоплению.

— 28 июля сост. пятилетний юбилей Всероссийского профессионального союза служащих советских, общественных и торговых учреждений и предприятий (Совработников). К этому дню подготовляется выпуск юбилейного номера журнала Ц. К.

Президиум Ц. К. просит всех товарищей, принимавших активное участие в строительстве нашего всероссийского об'единения дать к этому номеру свои статьи и воспоминания. Материал должен поступить в Ц. К. (Солянка, 12, комн. 116) не позже 19 июля с. г.

Президиум просит также товарищей сообщить в Ц. К. свои адреса.

### В ЦНТК ПРОФСОЮЗОВ.

ЦНТК организует 16 июля:

На Балашовских торфяных разработках ст. Купавна лекцию проф. С. А. Тюрина, на тему «Огородничество и садоводство». Нач. в [illegible] ч. утра.

На государственных торфяных разработках (ст. Купавна)—лекцию проф. С. А. Тюрина «Огородничество и плодоводство». Нач. в 6 ч. вечера.

На милетинских торфяных разработках (ст. Храпуновка)—лекцию П. П. Некрасова: «Природа и человек». Нач. в 11 ч. утра.

На реутовских торфяных разработках (ст. Храпуновка)—лекцию П. П. Некрасова: «Природа и человек». Нач. в 6 ч. вечера.

На ф-ке б. Морозова (Орехово-Зуево)—лекцию А. Ф. Саперкотова: «Солнце и его значение». Нач. в 10 ч. вечера.

Экскурсии ЦНТК:

Слушатели ун-та Запада—Шаболов. Радиостанция; союз текстильщиков—Выставка Шаболовская радиостанция, Румянцевский музей, Зоологический сад, Петровско-Разумовское, музей Охраны Труда, выставка Здравоохранения.

Союз металлистов—выставка Здравоохранения, музей Охраны Труда, выставка ВСНХ.

Баумановский райполитпросвет для рабочих—на Ходынскую радиостанцию—3 экскурс.

Пекарня № 5—Петровско-Разумовская академия.

Союз Коммунальн. Хозяйства—Петровско-Разумовское (3 экскурсии), Зоологический сад (2 экск.).

Рабочие и служащие Александр. ж. д.—радиостанция Шаболовка.

Союз строительных рабочих—Румянцевский музей.

Союз работников просвещения—Петровско-Разумовская академия—2 экск.

2 воен. г-ль. Союз «Всемедикосантруд»—Воробьевы горы.

17 июля в Голубом зале Дома Союзов—Экономическая секция ЦНТК, под председательством председателя Экономическо-Статистической секции Госплана С. Г. Струмилина—диспут на тему: «Политика цен». Докладчик предс. Всеросс. текстил. синдиката В. П. Ногин, содокладчиком выступит член ред. коллегии «Экон. Жизни» М. Г. Вронский. После доклада, обмен мнений с участием видных специалистов и представителей госуд. органов. Начало в 6 ч. веч. [illegible]

[illegible]

### ЛЕКЦИИ, КОНЦЕРТЫ, [illegible]

— [illegible]

# УПРАВЛЕНИЕ МОСК.-КУРСКОЙ железной дороги

сим доводит до всеобщего сведения о том, что с 15 июля будут введены в обращение нижеследующие поезда

## ПРЯМЫХ БЕСПЕРЕСАДОЧНЫХ СООБЩЕНИЙ:

1) При посредстве скорых поездов №№ 5 и 6 в составе мягких и жестких вагонов с нумерованными местами для лежания:

**ПЕТРОГРАД—МОСКВА—ХАРЬКОВ—СЕВАСТОПОЛЬ**

отправл. из Москвы до Севастополя один раз в неделю по субботам 18 час. и обратно из Севастополя прибыв. в Москву по пятницам в 12 час.

**ПЕТРОГРАД—МОСКВА—ХАРЬКОВ—БАТУМ**

отправл. из Москвы до Батума один раз в неделю по понедельникам в 19 час. и обратно из Батума прибыв. в Москву по вторникам в 10 час. 40 мин.

**МОСКВА—ХАРЬКОВ—СЕВАСТОПОЛЬ**

отправл. из Москвы один раз в неделю по вторникам в 18 час. и обратно прибыв. в Москву по понедельникам в 12 час.

**МОСКВА—ХАРЬКОВ—БАТУМ**

отправл, из Москвы один раз в неделю по средам в 19 час. и обратно прибыв. в Москву по четвергам в 10 час. 40 мин.

**МОСКВА—ХАРЬКОВ—МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ**

отправл. из Москвы один раз в неделю по воскресеньям в 19 час. и обратно прибыв. в Москву по воскресеньям в 10 час. 40 мин.

2) При посредстве почтовых поездов №№ 3 и 4 в составе жестких вагонов с нумерованными местами для сиденья и мягких вагонов с нумерованными местами для лежанья:

**МОСКВА—ХАРЬКОВ—СЕВАСТОПОЛЬ**

отправл. из Москвы два раза в неделю по воскресеньям и четвергам и обратно прибыв. в Москву по тем же дням, при чем в поезде отправл. из Москвы и обратно прибыв. по четвергам имеется один жесткий вагон прямого беспересадочного сообщения МОСКВА—ДЖАНКОЙ—ФЕОДОСИЯ.

**МОСКВА—ХАРЬКОВ**

отправл. из Москвы два раза в неделю по понедельникам и пятницам и обратно прибыв. в Москву по средам и субботам.

**МОСКВА—ХАРЬКОВ—РОСТОВ**

отправл. из Москвы два раза в неделю по средам и субботам и обратно прибыв. в Москву по вторникам и пятницам.

**МОСКВА—ХАРЬКОВ—ЕКАТЕРИНОСЛАВ**

отправл. из Москвы один раз в неделю по вторникам и обратно прибыв. в Москву по понедельникам.

Означенные почтовые поезда отправл. из Москвы в 21 час. 20 мин. и обратно прибыв. в Москву в 14 час. 15 мин.

3) При посредстве товаро-пассажирских п. п. №№ 21 и 22 с жесткими вагонами с ненумерованными местами:

**МОСКВА—ХАРЬКОВ**

отправл. из Москвы в 22 час. 50 мин. и обратно прибыв. в Москву в 12 час. 30 мин.

**МОСКВА—ТУЛА—ЕЛЕЦ**

отправл. из Москвы в 22 час. 20 мин. и обратно прибыв. в Москву в 6 час. 30 мин. по вторникам и пятницам в составе жестких вагонов, из коих один с нумерованными местами для сиденья и остальные с ненумерованными местами.

Все вышеперечисленные поезда отправляются и прибывают на ст. Москва пасс. (Курский вокзал).

6989

---

БУЛОЧНАЯ и КОНДИТЕРСКАЯ
И. КОНДРАТЬЕВ и К°.
ОТКРЫТЫ: 1) Арбат 22. 2) 1-й Садовый переул., д. № 10. 3) Кудринская улица, 7/9.

ЕЖЕДНЕВНО выпекаются всевозможные хлеба, московские калачи, баранки, сухари, печенье, кондитерские товары.

ВЫПЕЧКА ВЫСШЕГО КАЧЕСТВА, ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ.

Правление: Арбат 22, Телеф. 2-88-44.

---

# ПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

(Кузнецкий Мост, 9)

И ЕГО МОСКОВСКАЯ КОНТОРА

(Кузнецкий Мост, 10)

в целях предоставления клиентам удобства при совершении операций принимает для записи на текущие счета и для других назначений чеки, переводы и другие денежные документы, выписанные как на Московские учреждения Госбанка, так и на Мосфинотдел и Банк Потребительской Кооперации в Москве.

---

# ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Конфликтная Комиссия Политического Управления

Реввоенсовета Республики просит всех, знающих местонахождение бывш. фельдфебеля 16-й роты 319-го Бугульминского полка, подпрапорщика тов. Барулина, сообщить по адресу: Сретенский бульвар, дом № 6. ПУР.

---

# Обязательное постановление.

В соответствии с приказом по ВСНХ за № 59 от 20/II 22 г. и со ст. 12 декрета СНК от 21/III 22 г. о снятии Государственной Топливной Промышленности с госснабжения, всем потребителям топлива и нефтепродуктов, состоящим на Государственном топливном снабжении, категорически запрещается продажа и обмен получаемых ими в порядке такового снабжения топлива и нефтепродуктов.

На Торгуголь, Нефтесиндикат, Коммерческий Отдел ЦУЛП'а и Коммерческий Отдел Цуторфа и их местные органы по принадлежности возлагается наблюдение за неуклонным исполнением настоящего обязательного постановления всеми состоящими на госснабжении потребителями, с немедленным привлечением лиц, виновных в нарушении настоящего постановления, к ответственности в уголовном порядке, как за растрату государственного имущества.

Настоящее обязательное постановление издается на основании п. 1 ст. 14 декрета СНК от 21/III 22 года.

*Зам. пред. ВСНХ и НАЧГУТ'а СМИЛГА.*

---

# ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

## УПРАВЛЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

сим доводит до всеобщего сведения о том, что начиная с четверга 13-го сего Июля будут введены в обращении

**ПОЕЗДА ПРЯМОГО БЕСПЕРЕСАДОЧНОГО СООБЩЕНИЯ**

**МОСКВА—ЧИТА.**

Поезда будут в обращении с отправлением из Москвы Северных по четвергам один раз в две недели в 22 часа.

Все места в поезде номерованные для лежания со включением в состав поезда одного вагона Международного Общества, двух мягких вагонов и трех жестких вагонов.

Помимо этого в состав поезда будет включен вагон столовая с обслуживанием таковой по образцу первоклассных ресторанов.

Дни прибытия в Читу, равно отправления из Читы в направлении Москвы и прибытие в Москву будут об'явлены особо в недалеком будущем.

Проезд при следовании за пределы ст. Верхнеудинск при наличии установленных пропусков в Наркоминделе и заграничных паспортов.

Вагоны поезда соединены между собой гармонией, снабжены постельными принадлежностями, пользование коими за отдельную плату, состав поезда освещается электричеством и обслуживается вполне испытанными проводниками, ранее обслуживавшими поезда дальних беспересадочных сообщений, при чем вообще все обслуживание поездов этого сообщения по типу курьерских поездов довоенного времени.

---

# УНИВЕР. МАГ. МОСТОРГА

ПО ПРИМЕРУ БЫВШ. МАГАЗИНА МЮР и МЕРИЛИЗ— КООПЕРАТИВАМ ЗАВКОМАМ, МЕСКОМАМ И РОЗНИЧНЫМ ТОРГОВЦАМ СКИДКА ПРИ ПОКУПКАХ МЕЛКИМИ ОПТОВЫМИ ПАРТИЯМИ.

25 ОТДЕЛЕНИИ 54 СЕКЦИИ.

ОБОИ
КНИГИ
ПОСОБИЯ
БЕЛЬЕ
ОБУВЬ
ФАЯНС
КОВРЫ
МЕБЕЛЬ
КРОВАТИ
ТРИКОТАЖ
ПРИКЛАДЫ
ГАСТРОНОМИЯ
ГАЛАНТЕРЕЯ
ПАРФЮМЕРИЯ
МАНУФАКТУРА
ДОРОЖНЫЕ ВЕЩИ
ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ
ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ
ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ
КУСТАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ
КАНЦЕЛЯРСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
КОМИССИОННЫЕ ТОВАРЫ
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ВИНА — БУФЕТ — ТАБАК.

ЗДАНИЕ БЫВШ.

## Мюр и Мерилиз

ПЕТРОВКА, ДОМ № 2.

ТЕЛЕФОНЫ: Дирекции 29-33. КОММУТАТОРЫ: 2-23-89, [illegible]

---

Американская Администрация Помощи
А. Р. А.

ОТКРЫТА

## КЛИНИЧЕСКАЯ АМБУЛАТОРИЯ

по всем специальностям, ОБСЛУЖИВАЕМАЯ ВРАЧАМИ-КЛИНИЦИСТАМИ.

(Петровский бульвар, № 8, бывш. Катуар).

ПРИЕМ БОЛЬНЫХ и ВЫДАЧА ЛЕКАРСТВ БЕСПЛАТНЫЕ.

**Прием открыт по следующим специальностям:**

Внутренние болезни ежедневно . . . . . от 10—12 ч.
Нервные болезни ежедневно . . . . . . от 12— 2 „
Хирургические болезни ежедневно. . . . от 11— 1 „
Женские болезни и акушерство по вторникам, пятницам и субботам . . . . . . . от 3— 5 „
Кожные и венерические (вливание Сальварсана) понедельник, среда и пятница . . от 2— 4 „

Детские болезни:
понедельник, среда и пятница . . . . . от 2— 4 „
вторник, четверг и суббота . . . . . . от 10—12 „

В скором времени откроется по мере оборудования прием и по остальным специальностям, а также будут открыты: Рентгеновский кабинет с диагностическими и терапевтическими целями и лаборатория для клинических анализов.

О всех изменениях времени приема будет об'явлено особо.

---

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА

## „КРАСНАЯ НОВЬ".

(Милютинский пер. 22, кв. 43).

**Вышли новые издания:**

1. Популярный ПОЛИТСЛОВАРЬ под общ. ред. В. И. ЭЛЬЦИНА.
2. ЗАВАДОВСКИЙ „Программа занятий по биологии".
3. АДОРАТСКИЙ „Программа по основным вопросам марксизма".
4. МЕЩЕРЯКОВ „Партия С-Р" ч. 2.
5. ЭНГЕЛЬС „Революция и контр-рев. в Германии"—перевод и предисловие СТЕПАНОВА.
6. „Вестник искусств" № 5.
7. ЛИВШИЦ „Бюджетно-сословная система оплаты труда".
8. ТОМСКИЙ „Профсоюзы на новых путях".

**Находятся в печати и на-днях выйдут следующие издания:**

1. СИНКЛЕР „Джимми Хиггинс" иллюстрир. издание.
2. СТУЧКА „Учение о государстве и конституции РСФСР".
3. ИОФФЕ „Генуэзская Конференция".
4. ЛЕВИН „К. МАРКС"—биограф. с [illegible]
5. ПШИБЫШЕВСКИЙ „Буревестник"—Сборн. [illegible]
6. СТЕПАНОВ „Мысли о религии".
7. П. ОРЕШИН „Микула" (поэма). Изд. иллюстриров.

Заказы и предложения принимаются в Торговом Отделе Издательства. (Милютинский пер. 22, кв. 43).

Общественным, кооперативным и государствен. учрежд. и предпр. ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ.

Каталоги высылаются по первому требованию.

Оптовым заказчикам—ТОРГОВАЯ СКИДКА.

— Издания имеются во всех книжных магазинах. —

---

# УПРАВЛЕНИЕ М.-Курской Ж. Д.

ДОВОДИТ ДО ВСЕОБЩЕГО СВЕДЕНИЯ о том, что в связи с открытием НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКИ В НИЖНЕМ-НОВГ. за две недели до начала, в период действия и две недели после закрытия ярмарки будут в обращении через день между МОСКВОЙ и НИЖНИМ-НОВГ. СКОРЫЕ П. №№ 5 и 6, в составе мягких и жестких вагонов с нумерованными местами в мягких для лежания и в жестких для сиденья, при чем в мягких вагонах за особо установленную плату выдается постельное белье,— по следующему расписанию:

| Отправление из Москвы. | Прибытие в Нижний-Новг. |
|---|---|
| П. № 6 по четным числам и в 23 ч. 35 м. | По нечетным числам в 9 ч. 30 м. |
| **Отправление из Нижнего-Новг.** | **Прибытие в Москву.** |
| П. № 5 по нечетным числам в 22 ч. 30 м. | По четным числам в 8 ч. 30 м. |

В первый раз поезд начнет свое движение из Москвы 18 июля и из Нижнего-Новг. 19 июля.

---

А/О. Здг. Тунстрем Мальмэ-Швеция

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКАЯ — ОПТОВАЯ ФИРМА.

ТРЕБУЙТЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Телегр. адр. АВЕТА.

---

## ГОСУД. ИЗДАТЕЛЬСТВО:

НОВЫЕ КНИГИ

ВЫШЕДШИЕ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИВШИЕ В ПРОДАЖУ:

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:**

Браун Лили Женский вопрос. . . . 600 р.
Лавров П. А. Парижская коммуна 180 р.
Преображенский Итоги Генуэзской конференции и хоз. перспективы Европы . . . . . . . . . . 40 р.
Сакулин П. Н. Русская литература и социализм ч. I. Ранний русский социализм. . . . . . . . . . . 600 р.
Штейн Генуэзская конференция 150 р.
Эйдус Х. Очерки рабочего движения в странах Востока. . . . . 140 р.

**ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ:**

Лебедев П. Н. Давление света. . 100 р.
Леонтьев К. А. Температура и ее измерение . . . . . . . . . . . . . 75 р.

**УЧЕБНИКИ и учеб. пособия:**

Баранов П. Начальная физика Элем. курс. . . . . . . . . . . . . 250 р.
Григорьев Г. Краткий курс химии, 2-е изд. испр. и дополн. 150 р.
Малышев В. А. и Гавриленко А. П. Технология дерева, текс и метал. 375 р.
Покровский М. Н. Рус. истор. т. I 200 р.
„ „ „ т. II. 200 р.
„ „ „ т. III. 200 р.
Стенная карта Австралии . . . . . 500 р.
Стенная карта Африки . . . . . . . 400 р.

**БЕЛЛЕТРИСТИКА:**

Войнич Г. Овод. . . . . . . . . . . . 150 р.
Келлерман Туннель. . . . . . . . . 175 р.
Дж Лондон. Железная пята. . . . 150 р.
Свирский А. Рыжик. . . . . . . . . 200 р.

Оптовая продажа в торговом отделе Государственного издательства: [illegible]

---

[illegible]

---